

АРТЕМ КАМЕНИСТЫЙ

ХОРОШИЙ
ПАССАЖИР -
МЕРТВЫЙ
ПАССАЖИР

МАГИ & МОТОРЫ

ЛЮДИ
ШЕШЛА

Annotation

Они – рашмеры. Люди пепла. Отобранные из тысяч, бесправные рабы церкви, завладевшей их душами и телами. Расходный материал, который веками гонят на земли Краймора, где большая часть избранных находит смерть в первые годы, а выжившие до конца своих дней не могут разорвать незримую нить, крепко привязавшую их к Крайнему Югу. Этой партии новичков не повезло с самого начала. Церковь скупа и ухитряется извлекать выгоду даже при перевозке своей добычи, и на этот раз экономия привела к гибели живого груза. Редкие счастливики, которым повезло вырваться из трюма, угодили во власть великого круговорота соленых вод, и он неизбежно выбросит деревянную скорлупку на камни Краймора. Но не факт, что до этого момента удастся дожить, ведь под досками палубы скрываются те, с кем пепел обошелся куда безжалостнее. Их много, они сильны и голодны, а доски, увы, долго не продержатся...

Артем Каменистый

Люди пепла

© Каменистый А., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

Глава 1

Живой груз

Вначале был туман. Клубящаяся белесая мгла, и ничего более. Иногда в ее завихрениях проявлялись смутные очертания каких-то непонятных предметов, чтобы через кратчайший миг исчезнуть бесследно, не позволив успеть себя опознать. В их реальность не верилось, это куда больше походило на обман, чем на что-то настоящее.

Затем появилось ощущение, что ты не крошечная точка в бесконечном мраке, ты куда больше, у тебя есть тело, и это тело чувствует себя не очень хорошо. Онемело до дубового состояния, и на фоне этого частые болезненные покалывания, будто все мышцы затекли и к ним начинает приливать кровь.

А может, нет никакого онемения? Может, тело умерло и прямо сейчас облаченный в черное некромант пытается вдохнуть в пустую оболочку псевдожизнь?

Некромант? Кто это или что? Откуда выплыло это слово? И почему он думает, что мир не ограничивается непроглядным туманом?

Захотелось что-то сказать вслух, услышать свой голос, но он понятия не имеет, как раскрыть рот. И даже не уверен, что рот вообще существует. Это походит на бестелесное существование.

Но если тела нет, то каким образом оно может болеть?

Видимо, мысли по поводу рта сработали, заставили его начать оживать. Он почувствовал язык и мокроту обильной слюны, которую пришлось поневоле сглотнуть. Она раскаленным потоком ринулась по пищеводу, остановилась в желудке, и уже оттуда по всему телу начали расползаться волны приятного тепла.

Очередная волна добралась до головы, и туман наполнился звуками. Что-то ритмично поскрипывает, где-то стучат по дереву, вдалеке кто-то громко закричал, еще кто-то простонал или просто громко вздохнул. Не разобрать детали, все приглушенное и какое-то искаженное, нереальное. Похоже, уши работают с ошибками.

Глаза. Надо открыть глаза. Вот только как это сделать?

Замороженный мозг еще обдумывал непростой вопрос, а тело уже все вспомнило, веки сами собой поднялись, туман рассеялся без следа.

Вот только он ничего не увидел. Вообще ничего. Угольно-черный мрак, даже самой глубокой ночью такого не бывает. Что с ним? Ослеп? Или заточен в глубокое неосвещенное подземелье?

Нет, не ослеп. Что-то все-таки пробивается. Тончайшая едва освещенная линия. Она похожа на...

Он понял, на что она похожа. И понял, куда попал. Неудобно скрюченное тело находится в тесном деревянном ящике, и в едва заметную щель между досками снаружи пробивается неяркий свет.

Как он здесь оказался? Почему ничего не помнит? И воздух, какой же здесь спертый воздух. Как он до сих пор не задохнулся? Здесь же нечем дышать.

Впрочем, если он и дальше будет сидеть, обхватив колени, надолго это не затянется. Воздух не просто дурной, его уже не один раз прогнали через легкие, еще немного, и эта гадость не сможет поддерживать жизнь в многострадальном теле.

Уперся макушкой в доски, попытался выпрямиться. Но ни на волосок не сдвинул преграду с места, будто на каменную стену давит.

Изменил тактику – вжал голову в плечи, ударил макушкой. Еще и еще. Больно, неприятно, и, похоже, без малейшего толку. Ситуация скверная, ведь активные действия увеличивают расход кислорода, а в ящике его и без того почти нет. Сознание начало завлакивать паникой, похоже, он встрял очень серьезно, без посторонней помощи нечего и думать выбраться из непонятного ящика. Вот-вот и вырубится, а потом задохнется.

Уперся еще раз, напрягся так, что из глаз искры полетели. И, похоже, затрещали кости черепа. Нет, ничего не выходит, все усилия впустую, он быстрее макушку проломит, чем заставит сдвинуться эти доски хотя бы на волосок.

Стукнул еще раз, скорее от отчаяния, чем по-настоящему пытаюсь вырваться. И окаменел – следом по доскам три раза ударили и приглушенным голосом спросили:

– Кто там? Нормальный? Отвечай. Ты нормальный? Скажи хоть что-нибудь. Быстрее говори, а то уйду.

Нервно сглотнув слюну, продолжавшую выступать в больших количествах, поспешно протараторил:

– Я здесь. Я нормальный. Помогите выбраться, я задыхаюсь.

Несколько мгновений ничего не происходило, им начало овладевать отчаяние. Все пропало, незнакомец ушел, не отреагировав на просьбу.

Но нет, не ушел, не бросил. Доски затрещали с таким звуком, что стало понятно – не выдержат. Треск резко усилился, затем в ящике мгновенно посветлело, крышка откинулась в сторону, кто-то неразличимый торопливо проговорил:

– Быстрее сматывайся отсюда. В ближнем конце лестница, по ней наверх и стучи в дверь, я открою. Только не приведи за собой пепельников.

– Пепельников? – спросил он, ничего не понимая.

– Нас переморозило, некоторые уже обратились, так что вали отсюда быстрее. Не можешь бежать, пересиди чуток, мы их с другого выхода сейчас отвлечем, а там уже дуй на лестницу.

Из сказанного понял далеко не все, ну да это уже неважно, можно потом как следует обдумать. А сейчас надо дышать полной грудью, наслаждаясь настоящим воздухом, а не той смертоубийственной смесью, которая скопилась в ящике. И можно слегка распрямиться, закусив губу от боли, которая вспыхивает в мышцах и суставах при каждом движении.

Зрение работало плохо. Он не мог разглядеть дальние объекты, они расплывались, размазывались в пространстве, превращаясь во что-то неузнаваемое. Зато вблизи проблем почти нет. Отчетливо видно, что нижняя половина его тела покоится в невысоком ящике, а верхняя облокотилась о дощатый помост. Над головой нависает низкий потолок, под которым в бескончаемом кружении порхает крохотный ослепительно-белый шарик мобильного магического светляка. Две ближайшие стены странно неровные, а дальние теряются во мраке. Такое впечатление, что оказался в широком коридоре.

Слева во мраке кто-то визгливо закричал, после чего несколько раз не по-человечески ухнул. Очень неприятный голосок, от него по коже побежали мурашки.

Язык снова стал мокрым и липким, слюна выделялась в невероятных количествах. Зато глаза начали приходить в норму, теперь он мог заглянуть чуть дальше. Пробежал взглядом по неровным стенам, и откуда-то пришло понимание, что это не коридор, как показалось поначалу. Он находится в трюме корабля, который стоит на почти спокойной воде. То, что

списывал на легкое головокружение, объясняется качкой. Так же из-за нее поскрипывают детали судового набора, эти звуки можно услышать даже при видимом отсутствии волнения.

Корабль? Что такое корабль?

В голове возникли быстро меняющиеся картинки: стремительный зауженный клипер^[1] с плавными обводами, приземистый тяжелый барк^[2] с огромными полотнищами парусов на четырех высоченных мачтах и уродливая, обшитая металлом низкая громадина, изрыгающая клубы черного дыма. Последнее промелькнуло совсем быстро, возможно – обман сознания. Уж очень не похоже на все остальное.

Стараясь не обращать внимания на вспышки боли, которые преследовали при каждом движении, неспешно огляделся по сторонам. Почти весь трюм тесно заставлен такими же ящиками, как и тот, из которого он сейчас наполовину выглядывал. Некоторые открыты, в ближайшем из них можно разглядеть скрючившегося человека. Выглядит он так плохо, что в голову лезут самые скверные мысли.

Не удержался, выбрался, на четвереньках пополз по помосту. Добрался до развернутого ящика, склонился, прикоснулся пальцем к щеке. И тут же отдернул руку – кожа ледяная, неживая, после прикосновения осталась вмятина, и она не спешит разглаживаться.

Обернулся, оценил количество ящиков. На освещенном пространстве не менее нескольких десятков, а сколько скрываются во мраке немаленького трюма – неизвестно. Четыре из них открыты, при этом лишь два пустые. Считая тот, из которого он только что выбрался.

Квадратные тесные гробы, а не ящики – вот что это такое.

Из мрака вновь донесся крик. Приглушенный, будто кричавший скрыт за преградой, но преграда эта не кажется надежной.

Очень уж нехороший звук. Хочется оказаться как можно дальше от его источника.

Как там говорил неведомый спаситель? Надо добираться до лестницы? И где же она, эта лестница? Плохо, если в той же стороне, где и кричащий. Даже шаг в том направлении делать не хочется.

Решено – направится в другую сторону. Как передвигать магический светляк, он не знает, так что придется продвигаться на ощупь, стараясь придерживать помоста.

Развернулся, направился было в сторону, противоположную от источника криков, но замер – в каком-то из ближайших ящиков отчетливо стукнули о стенку. Вроде бы звук раздался отсюда, здесь лишь два варианта, и оба заперты.

Постучал в один, спросил:

– Есть кто живой?

В ответ дважды стукнули в соседнем. Чуть сдвинулся, тоже стукнул дважды по крышке, пообещал:

– Подожди, сейчас я тебя вытащу.

Сказать легко, сделать – куда труднее. Доски сбиты на совесть железными гвоздями с квадратными шляпками, попытка справиться голыми руками ни к чему не привела. Огляделся в поисках какого-нибудь инструмента, но на глаза ничего не попало. Единственное, что здесь можно взять в руки, – одну из крышек с тех ящиков, которые уже открыты. Но каким образом она может помочь?

Хотя...

С трудом, чуть не заорав от вспышки боли в напрягшемся теле, пододвинул соседний ящик. Тяжелый, явно занятый, и хозяин никак не отреагировал на перемещение. Теперь угол

вместилища молчаливого тела можно использовать в качестве опоры для рычага из доски, которую каким-то образом придется сорвать с крышки. Выломать ее непросто, пришлось повозиться, зажав в щели помоста и расшатывая, но в итоге она сдалась. Пока этим занимался, стуки прекратились – заточенный в тесном узилище человек перестал подавать признаки жизни. Это страшило, заставляло нервничать и суетиться, что нисколько не убыстряло процесс.

Рычаг оказался так себе, крышка не поддавалась, хоть тресни. Пришлось залечь, использовать доску в качестве молотка, снизу вверх нанося удар за ударом по углу в надежде расшатать, создать хотя бы крохотную щелочку. Неудобная поза, неудобное положение, но что еще можно придумать?

Расчет оправдался, и вскоре щель в уголке достигла таких размеров, что в нее пусть и с натугой, но получилось вбить конец доски. А дальше смог надавить уже по-настоящему, расширив так, что хоть ногу просовывай. Ухватился обеими руками, поднатужился, рванул что было мочи.

Есть – открыл.

Человек, скорчившийся в ящике, не подавал признаков жизни. Уткнулся лицом в поджатые коленки, спутавшиеся золотистые волосы спускаются ниже плеч во все стороны, их так много, что в первый миг показалось, будто, кроме них, там толком и нет ничего. Но это не так, просто роскошная прическа сильно растрепалась, прикрыв все остальное.

Ухватился под руки, потянул. Тело оказалось на удивление легким, и, только уложив его на помост, понял, в чем причина. Да и непомерная длина волос тоже объяснилась. Это не худой мальчишка, как подумал поначалу, а хрупкая невысокая девушка с мертвенно-бледным лицом, слегка присыпанным россыпью едва заметных веснушек.

Осторожно похлопал по щеке:

– Эй! Ты живая?!

Кожа вроде не холодная, но, похоже, он опоздал. Грудь не вздымается, спасенная не дышит. Слишком долго провозился с проклятой крышкой, слишком мало воздуха в ящике, время вышло.

Из глубин трюма вновь донесся пугающий крик, вызвав стандартную реакцию. То есть очень сильно захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда. Бросить спасенную? Да какая же это спасенная, если он вытащил уже мертвое тело. А вдруг в этих ящиках такие же люди, какой только что была она? При смерти, из последних сил глотающие затхлый воздух, не в состоянии вырваться самостоятельно и не догадывающиеся постучать. Ему вот кто-то вовремя помог, отреагировав на шум, а им не повезло.

А почему только ему? Неведомый спаситель должен был остаться и выручить остальных. Тогда бы ему не пришлось смотреть в мертвое веснушчатое лицо и корить себя за смертельное промедление.

Губы девушки приоткрылись, она закашлялась, судорожно задышала, повернула голову. Глаза приоткрылись и слепо уставились в потолок. Даже при небогатом свете от магического шарика было видно, что они у нее неправдоподобно зеленые, будто поверх радужки закрепили круглые пластинки из драгоценного изумруда, причем высшего качества. Ненормальный цвет – или с ней что-то не так, или зрение врет.

– Ты как? Ожила? Идти сможешь?

Все еще слепо глядя в одну точку, спасенная прерывисто проговорила неожиданные слова:

– Миллиндра Даймус, заявленный возраст семнадцать лет, северная харборка, рост пять гарвианских фунтов и три дюйма^[3], худощавое телосложение, волосы светло-золотистые, глаза зеленые, в основании большого пальца на левой руке шрам в форме звезды. Незаконное проникновение, взлом, попытка кражи летающего питомца, сопротивление при задержании, нанесение телесных повреждений, попытка убийства.

Голос срывающийся, громкость его скачет на каждом слове. Похоже на зазубренный текст, вырвавшийся сам собой, механически, она сейчас вряд ли что-то соображает.

– С тобой все нормально? – спросил осторожно, сильно сомневаясь, что получит утвердительный ответ.

Несколько мгновений ничего не происходило, но потом взгляд девушки переместился с потолка на стену, пробежался по ряду ящиков, стал чуть более осмысленным. Губы вновь разомкнулись, заговорила почти нормальным голосом:

– Ты кто?

– Не знаю.

– Как это не знаешь?!

Пожал плечами:

– Не знаю, и все.

– Так не бывает.

– Мне будто память отшибло. Наверное, еще в себя не пришел, я тоже в ящике сидел, в голове до сих пор звенит и пусто.

– А я помню... я помню себя. Я все помню.

– А я нет.

– У тебя на шее висит табличка. Что на ней написано?

Только сейчас обратил на нее внимание. И правда что-то болтается – тончайшая лакированная дощечка размером чуть больше половинки ладони. Вгляделся, прочитал вслух короткое слово:

– Трой.

– Что – Трой?

– Тут написано Трой. С большой буквы. И еще буква «С» под этим словом.

– И все?!

– Все.

– Странно... Получается, Трой – твое имя. Но почему нет остального?

– Не знаю.

– А где все? Почему мы выбрались одни?

– Считая наши, открыты пять ящиков. В двух мертвецы, я их доставать не стал, они холодные. Ты стучала, потому и открыл. Это не так просто, инструмента нет, я на тебя все силы потратил, теперь чувствую себя как рыба, вытщенная из воды. Тебе, похоже, тоже плохо.

– Так плохо мне никогда не было.

– Это заметно.

– А где команда?

– Не знаю. Кроме меня и тебя тут был всего лишь один человек, но я его даже не увидел. Он помог выбраться и сразу ушел, не стал ждать. И говорил, что мне тоже нельзя здесь задерживаться.

– Почему? – спросила девушка, начав приподниматься.

При этом прикусила губу: ей, похоже, каждое движение давалось с нешуточной болью. Знакомое состояние, сам до конца от него не отошел.

– Он говорил о каких-то пепельниках и о том, что нас переморозило. Я ничего не понял, переспросить не успел: когда выбрался из ящика, его уже не было.

– Что?! – испуганно вскинулась Миллиндра. – Пепельники?! Какие пепельники?! Где они?!

– Не знаю я ничего, говорю же, мне не удалось с ним пообщаться. Несколько слов всего лишь. Еще он говорил, что некоторые обратились. Тебе это о чем-то говорит?

В этот момент стукнули по дереву. Знакомый звук. Поднялся, направился на его источник, уже на ходу произнес:

– Еще кто-то живой, надо открыть, пока не задохнулся.

– Стой! – громко произнесла девушка.

Судя по тому, что короткое слово вырвалось чуть ли не со стоном, в себя она приходит медленно, ей сейчас очень нехорошо.

– Нельзя стоять, он задохнется там.

– Спроси у... спроси у него сперва что-нибудь, не открывай сразу. Спроси и слушай, что ответит.

– Зачем?

– Ничего не спрашивай, просто сделай.

– Хорошо.

Остановился. Здесь сразу четыре ящика, в каком из них очнувшийся человек – неизвестно. Впрочем, с одним все очевидно, потому как открыт и пуст. Остаются три.

Постучал по первому, громко спросил:

– Ты там живой?!

Соседний ящик подпрыгнул от сильнейшего удара, доски затрещали, послышался утробный рык, сменившийся зловещим шипением разозленного донельзя немаленького удава.

– Эй! Нормально отвечай! – произнес он слегка дрогнувшим голосом, не верилось, что там заточен человек.

И звуки ненормальные, и силищи столько, что легко вырвется сам, всего-то и надо – несколько таких ударов.

Очнувшийся будто мысли подслушал – ящик снова подпрыгнул, содрогнувшись.

Девушка неуверенно поднялась, зашаталась, чуть не сверзилась с помоста, напряженным голосом произнесла:

– Трой, нам надо уходить!

– Но он... Но там же человек!

– Это уже не человек, – она покачала головой. – Надо уйти до того, как он выберется, или умрем. Давай, пошли, некогда объяснять.

Ящик вновь содрогнулся, затрещал предсмертно, вот-вот и сдастся, уступит неуправляемой силе, которая в нем заключена. Из недр трюма при этом завизжали, жутко заушали сразу в несколько голосов.

Пожалуй, уйти прямо сейчас – отличная идея. И почему он раньше до этого не додумался?

Девушка, уставившись в сторону, откуда донесся крик, сказала:

– Куда угодно, но только не туда.

– Ты идти сможешь?

– Попробую.

– Держись за мою руку. И осторожно, тут доски шатаются.

– Уже заметила.

Спасенная едва ноги передвигала и десяти шагов не прошла, завалилась на колени, болезненно вскрикнув. Сзади вновь заорали, заметно сильнее прежнего, при этих воплях ящик взбесился окончательно, начал подпрыгивать непрерывно, громко затрещал. Трой развернулся, присел, взвалил девушку на плечо, встал, застонал от боли, обрушившейся на напрягшееся тело, пошатнулся, но устоял. Только тут она начала возражать:

– Опусти, я сама!

– Сама ты не сможешь, я дотащу, только не дергайся, оба грохнемся.

Вперед угадывается какой-то тусклый источник света, будто через тонкие щели пробиваются далекие отблески. Этого хватает, чтобы не сходить с помоста, но невозможно разглядеть детали. Хотя нет, слева вырисовывается что-то массивное, наклонное, непонятное. Надо пройти чуть дальше и оглянуться, чтобы это нечто оказалось на фоне света от магического шарика. Так и есть – лестница, ведущая наверх. Узкая, крутая, будет непросто на нее забраться с такой ношей.

Девушка мыслила аналогично:

– Да поставь ты меня! Поставь! Ты не сможешь, лестница крутая!

– Давай я вперед, а ты покрепче цепляйся за мою руку. Тут не так уж и круто, просто ногами перебирай, а я тащить буду.

Избываемый внутренними ударами ящик сдался, с треском рассыпался. Он находился на краю освещенного участка, детали разглядеть не получилось, но угадывалось нехорошее шевеление.

А затем оттуда зловеще заухали, завизжали так, что Трой едва не присел от позорной слабости в поджилках. Сам потом не понял, как оказался наверху да еще и подругу по несчастью туда заволок, и не сразу это осознал.

Свет пробивался из дверной щели. Толкнул створку, та слегка дернулась, но не распахнулась. Снизу заорали так близко, что казалось, вот-вот из мрака трюма высунется длинная рука с кривыми когтями вместо ногтей, ухватит обоих за мягкие места и потащит туда, откуда нет возврата.

Мгновенно вспомнились все слова неведомого спасителя, в том числе и о стуке в дверь. Торопливо забарабанил по массивным доскам:

– Есть там кто-нибудь?! Открывайте!

С другой стороны чем-то загремели, дверь распахнулась. Трой зажмурился от яркого света и, продолжая удерживать девушку за руку, вывалился на палубу, фатально запнувшись о порог. С грохотом растянулся на досках, Миллиндра поневоле упала сверху, над ухом испуганно рывкнули:

– Ноги убирайте! Ноги! Да быстрее давайте, они мешают!

Поджал их под себя, отползая, услышал, как дверь захлопнулась, приглушив очередной крик неведомого создания. Поморгал, привыкая к дневному свету, перевернулся, увидел, что девушка лежит с закрытыми глазами, лицо у нее столь бледное, что живой она не кажется. Остается надеяться, что это всего лишь потеря сознания.

А это кто здесь? Рыжеволосый пацаненок лет пятнадцати, худой как скелет, с выразительным лицом мелкого хищного зверька – несерьезно выглядит спаситель. А может,

это не он открыл ящик? Но даже если так, все равно выручил с дверью. Надо бы поблагодарить, но не хочется раскрывать рот.

Хочется лежать, смотреть в одну точку и не шевелиться.

Мальчишка присел, протянул багор:

– Держи. Если начнут вырываться, бей их по башке.

– Кого? – тупо спросил Трой.

– Пепельников. Если нормальные полезут, сперва спроси, чтобы голосом ответили, только потом открывай. И закрывай быстро, а то выскочат вслед за ними и всех поубивают. Сиди тут, я к другому выходу. Они сейчас на свет к этому лезут, а дверь слабая. Надо тот открывать, туда переманивать, там дверь покрепче. Помогу нашим. Тебя как зовут?

– Трой... вроде бы.

– А меня Храннек. Ты кричи если что.

С минуту переводил дух – короткая прогулка по трюму и подъем по лестнице вымотали так, будто весь день таскал на горбу тяжеленные мешки. Обернулся на дверь. На вид массивная, доски далеко не тонкие. Тогда почему Храннек назвал ее слабой? Придется как следует постучать дубовым бревном, чтобы справиться с такой преградой.

Бросил взгляд по сторонам. Безбрежное море и слева по борту, и справа. Впереди и позади тоже бескрайнее водное пространство. Ни малейшего намека на землю, только слабо взволнованная гладь и небеса, затянутые сплошным слоем низко висящей облачности.

Корабль большой. Огромный. Вот только с ним не все ладно. Там, где должны вздыматься громадины высоченных мачт, остались лишь три жалких огрызка. Целая только бизань^[4], паруса на ней свернуты, видны дополнительные троса, протянутые в дополнение к вантам^[5]. Похоже, что только благодаря им она устояла. Фальшборт^[6] в некоторых местах изуродован, на него, скорее всего, падали тяжелые предметы, и можно даже догадаться, какие именно.

Людей видно не было. Возможно, укрываются за немногочисленными надстройками и остатками мачт. Но если так, получается, народа на палубе очень мало. Много меньше того количества, которое требуется для управления немаленьким кораблем.

Здесь что-то не так.

Да здесь все не так.

Глава 2

Стертый

Не хотелось даже мизинцем шевелить. И думать не хотелось. Сейчас бы лечь и часами валяться на досках палубы, устало прикрыв глаза. Но не та ситуация, чтобы позволять себе расслабляться. Ведь до сих пор понятия не имеет, кто он такой и как попал на этот корабль. И что здесь происходит – тоже не понимает. Хорошо бы отправиться поискать Храннека, но тот просил Троя подежурить здесь, у двери, и проигнорировать просьбу нельзя. Может, прямо сейчас бедалага вроде этой девушки выбирается из ящика, и, если не открыть ему по первому стуку, кто-то, жутко кричащий во мраке трюма, может наброситься, сделать что-то ужасное.

Обладатель такого омерзительного голоса неспособен совершать хорошие поступки.

Переборол себя, поднялся, подошел к двери, прижал ухо к щели, прислушался. Вроде бы тихо, но точно сказать нельзя – море пусть и негромко шумит, но может заглушить трюмную деятельность.

Справа послышались шаги. Обернулся, рефлекторно поднимая багор. Со стороны ближайшей мачты приближался паренек ростом чуть выше Троя, с крепко сбитым телом и рельефной мускулатурой атлета. В глаза первым делом бросались пышные завивающиеся черные кудри, окружавшие нагловатое смуглое лицо – главное украшение внешности. Длинные волосы спускались до плеч и выглядели неряшливыми, неухоженными, но, как ни странно, незнакомцу это шло.

На ходу смуглолицый подбрасывал длинный нож, ловко подхватывая его после нескольких оборотов. Понятно, что не сейчас этому трюку научился, чувствуется богатая практика.

– Ты Трой?

Тот кивнул, не опуская багор.

– Да не напрягайся, я помочь пришел. Мелкий сказал, что ты тут почтидохлый валяешься, а девка с тобой вообще не дышит. Опасно выход на полумертвом и мертвом оставлять. Я Драмиррес. – Перебросив нож в левую руку, чернявый протянул правую.

Трой осторожно ее пожал, пожатие нового знакомого оказалось куда сильнее. И вообще по поведению понятно, что или уже успел очухаться после сидения в тесном ящике, или вообще не забирался в трюм и потому всегда чувствовал себя прекрасно. Ходит уверенно, движения резкие, нет сомнений, что парень из ловких.

Драмиррес присел над девушкой, покачал головой:

– Красивая цыпочка. Только очень бледная. Но на солнечном свету такое быстро лечится. Жалко ее.

– Она живая, просто в обмороке.

– Да ну. Она совсем на живую не похожа.

– Живая. Я помог ей из ящика выбраться.

– Ты небось тот, кого я освободил?

– Это ты крышку моего ящика выломал?

– Наверное. На последнем заходе, когда уже почти до лестницы добрался, открыл ящик, где нормальный был. Бился там в доски и голосом мне ответил. Говорить с ним некогда

было, дверь настежь открыта, на свет пепельники могли налететь. Наверное, это был ты.

– Спасибо.

– Не за что. Мне тоже помогли. Сам бы ни за что не выбрался, заколотили меня как следует.

– А давно ты выбрался?

– Да нет, тут все недавно. С утра появились первые очнувшиеся, а сейчас уже примерно полдень.

– Очнувшиеся? Что тут вообще происходит?

– А ты разве не знаешь?!

– Откуда?

– Посмотри, вроде бы у нее глаз дернулся. И поморщилась еле-еле. Веснушки прикольные! – Драмиррес протянул палец, осторожно коснулся щеки девушки.

Та, мгновенно раскрыв глаза, резко врезала ему по руке, отбросив ее в сторону, и смертельно разозленной змеей прошипела:

– Даже не думай трогать мои веснушки! И вообще не трогай ничего!

– Да я почти без задней мысли.

– Почти?!

– Ну извини, просто потрогал веснушки, только и всего.

– Я сказала: не трогай их и не говори про них вообще ничего!

– Да я же извинился. Все, не буду больше, не злись так.

– Вот и хорошо, что не будешь, потому как это самая короткая дорога к тому, чтобы стать моим врагом.

– А какая дорога ведет к дружбе с тобой?

Прищурившись, девушка уточнила:

– Ты это тоже без задней мысли или пытаешься подбивать ко мне клинья?

– Я парень красивый и умный, так почему бы и не подбить?

– Умный? Да неужели?

– Ну уж точно не дурак, и девчонки от меня без ума.

– Для замороженного от макушки до пяток ты слишком самоуверенный.

– Это кто из нас замороженный? Я вообще-то уже бодрый, а вот ты бледно выглядишь и дышишь через раз.

– То, что ты чуть раньше поднялся, еще не повод собою гордиться. Впрочем, если тебе больше нечем гордиться, то можешь нацепить себе петушиный хвост и расхаживать с важным видом. Также мне еще, размороженный...

– Ты чего такая колючая?

– Колючая? Да ты меня еще не видел колючей. Что тут вообще случилось?

– Так ты тоже не знаешь?

– А что я могу знать, если ничего не видела? И разговаривала только с Троем, а он даже имя свое не сумел вспомнить. Я так понимаю, что нас переморозили, а те, кому не повезло, уже успели обратиться. Все верно?

– Так и есть.

– И где все?! Где команда?! Почему они оставили нас внизу?!

– Чего на меня орешь, я-то откуда знаю?!

– А кто знает?!

– Я думаю, что уже никто. Команда пропала.

– Как?!

– А вот так – не осталось ни одного матроса, некому отвечать.

– Но кто тогда освободил первых?

– Какой-то однорукий помог им выбраться, но на него напали пепельные, он в трюме остался. Мы теперь с ними играем в догонялки. Открываем одну дверь, они лезут на свет, закрываем перед носом. И пока они там крутятся, забираемся в другие выходы, выручаем тех, кого успеваем. Только почти все уже мертвые, под нами полный трюм ящиков с трупами, обращенных становится все больше и больше, играть с ними уже не очень-то получается. Очень рискованно, я туда больше не полезу. Кому повезет, пусть сами выбирают. Только понятия не имею, как они сорвут крышки: гвоздей на нас не пожалели и доски в ящиках не тонкие. Вот и все, что знаю. Тебя как зовут?

– Миллиндра. Миллиндра Даймус.

– Красивое имя. А я Драмиррес. Хочешь, принесу тебе воды? В камбузе целая бочка. Только она немного затхлая.

– Неси. Мне и Трою принеси.

– Уговорила, – подмигнул смуглолицый.

Подождав, когда он удалится, девушка приглушенно спросила:

– Ты других людей видел?

– Только одного – мальчишка лет пятнадцати.

– Совсем мелкий.

– Он нам дверь открыл. А я на сколько выгляжу?

– Ты не знаешь, сколько тебе лет?!

– Да я даже имя свое не смог вспомнить.

– Как такое может быть?!

– Хороший вопрос.

– Может, твой мозг сильно повредило? Переморозило?

– Что значит «переморозило»?

– Похоже, его и правда повредило. Ты совсем ничего не помнишь?

– Не помню.

– Дай свою табличку.

Снял с шеи, протянул. Миллиндра изучила внимательно, покачала головой:

– Просто имя и буква под ним. И все. Странная табличка. За что тебя сюда?

– Не понял вопрос.

– Что ты натворил? Так понятнее?

– Все равно не понял.

– Или ты издеваешься, или с тобой явно что-то не так.

– По-моему, не только со мной. Тут все не так. Со всеми.

– Ты точно не издеваешься?

– А разве похоже?

– Что еще можно подумать о человеке, который ничего не помнит, но при этом ведет себя как нормальный?

– О себе я не помню ничего. И о том, что здесь случилось, тоже ничего не помню.

– Здесь случилось что-то непонятное и нехорошее. Я не знаю почему. Все должно быть не так. Нас собирались отправить на земли Краймора, но вместо этого мы болтаемся перемороженными посреди моря. И те, кому не повезло, уже начали обращаться, а остальные

просыпаются в запертых ящиках. Или вообще не просыпаются. Значит, мы здесь уже слишком долго и нас почему-то бросили в трюме. Будто забыли, что мы есть. Спасибо, что вытащил меня и не бросил. Сама бы я не выбралась.

– Да я даже не заметил, как вылетел оттуда. И как тебя вытащил – тоже не заметил. Все будто само собой вышло.

– Ага, жутко получилось.

Девушка начала поправлять волосы, забавно при этом морщась. Видимо, на ощупь оценивала ущерб, который понесла прическа, и результаты ей не нравились. Вернулся Драмиррес, протянул ей деревянный ковш на короткой рукояти:

– Трою чуток оставь.

Та, кивнув, припала к краю, почти сразу скривилась:

– Да она испортилась! Не мог получше найти?!

– Получше?! Да это лучшая вода на корабле! Специально ради тебя старался!

– В луже на дороге и то на вкус приятнее.

– Чего ты все время кипятишься? Вроде пить можно, пока никого не пронесло. Другой все равно нет. Эти корабельщики экономят каждую монету, не стали делать магическую консервацию, вот и портится.

Пока девушка пила, Драмиррес раскрыл тонкую книгу из грубой желтой бумаги, пролистал несколько страниц, довольно осклабился, медленно и с выражением прочитал:

– Миллиндра Даймус, заявленный возраст семнадцать лет, северная харборка, рост пять гарвианских фунтов и три дюйма, худощавое телосложение, волосы светло-золотистые, глаза зеленые, в основании большого пальца на левой руке шрам в форме звезды. Незаконное проникновение, взлом, попытка кражи летающего питомца, сопротивление при задержании, нанесение телесных повреждений, попытка убийства. Да ты у нас крутая разбойница, а с виду такая милая, когда не злишься.

– Ты милее, – оторвалась на миг от ковша девушка.

– Трой, а ты за что тут?

– Я о себе ничего не знаю.

– Это как?

– Он не помнит ничего, – вновь оторвалась от воды Миллиндра. – Даже имя назвать не смог, читать с таблички пришлось. Но на табличке только имя и буква «С» под ним, ни слова о том, за что его к нам.

– Серьезно ничего не помнишь?

– Честное слово.

– Сейчас по списку гляну. Трой... Трой... Ну где же ты... А! Вот, нашел! Тройлин Трой, процедура... Да твою же мать! Процедура стирания!

Девушка опустила ковш, понимающе переглянулась с Драмирресом. Но Трой ровным счетом ничего не понимал, поэтому потребовал просветить и его:

– Что это значит?

Драмиррес скривился, покачал головой:

– С тобой круто обошлись. Куда круче, чем с другими. Тебя стерли.

– Стерли? Что это значит?

– Знаешь, как стирают карандашные записи на бумаге или лакированных дощечках?

– Знаю.

– Вот так и с тобой.

– Вообще-то я не бумажный.

– Я не про слова, а про твою память. Ее иногда удаляют у преступников. Только такое нечасто случается, первый раз вижу стертого.

– Мне стерли память?! Но за что?!

– Откуда нам знать? Тут полный трюм преступников, и за мелочи в ящики никогда не сажали. То есть все хороши. Только ты натворил побольше других, надо очень постараться, чтобы стать стертым.

– Но в этой книге ничего не написано о моих преступлениях.

– Ты мог натворить такое, что в книгу побоялись вносить. Опасные знания церковники скрывают, они помешаны на секретности. От тебя только имя оставили, ведь Тройлин – не фамилия, это полное от Трой. То есть фамилии нет, даже ее скрыли. Никогда о таких случаях не слышал.

– Я тоже, – кивнула Миллиндра. – Трой, держи. Попей, может, легче станет. Мне не стало, вода гадкая.

Трой к воде не придирался. Да, она не первой свежести, но терпимо, жажду можно заливать. Пока пил, Миллиндра накинулась на Драмирреса с новыми вопросами:

– Команды точно нет? Никого не осталось?

– Говорил же, что один вроде был.

– Однорукий?

– Да. Благодаря ему мы на палубе, а не задохнулись в своих ящиках.

– Сколько здесь человек?

– С десятков, я точно не считал. С вами точно десять будет.

– И все?! Всего лишь десять человек?!

– А что не так?

– Нас сотни были, и всего десять выбрались?!

– В начале списка указано, что в ящиках шестьсот два человека. Почти все, получается, там. – Драмиррес указал пальцем вниз.

– Как такое могло получиться?! Ты ведь раньше нас пришел в себя, ты должен хоть что-то знать!

– Чего накинулась?! Говорю же, я ничего не знаю. Никто не знает. Команда непонятно где, рассказывать некому.

– Команда покинула корабль, – уверенно заявил Трой.

– Думаешь, уплыли на другом корабле?!

– Вряд ли. Нет ни одной шлюпки, они ушли на них.

– Шлюпки?

– Это большие лодки, их держат на кораблях.

– Для стертого ты слишком много знаешь о море.

– Я думал, что про шлюпки знают все.

– А я даже слово такое не помню. Море видел, но в моих краях там только лодки и баркасы ходят, не было никаких шлюпок.

Трой, продолжая раздумывать над новостью об уничтоженной памяти, механически произнес:

– Журнал... нам нужен журнал.

– Что за журнал? – спросила Миллиндра.

– На корабле должен быть судовой журнал.

– А ведь да, я что-то такое где-то слышал, – кивнул Драмиррес. – Кто-то говорил, вот только не помню кто. Наверное, перед погрузкой, тогда много болтали.

– Там описывают все, что происходит на корабле, – продолжил Трой. – Это важный документ.

– Его могли забрать с собой, раз он важный, – предположила Миллиндра.

– Могли, – согласился Трой. – Но могли и оставить. Раз они нас забыли, почему бы и его не забыть?

– Журнал куда ценнее нас, – ухмыльнулся Драмиррес и добавил: – Но идея стоящая, надо поискать. Ты эту идею подал, сам и займись, я тут один справлюсь. А если Миллиндра развлекать будет, так готов до самого вечера просидеть.

Девушка покачала головой:

– Сам развлекайся, зачем такому шуту помощники. Я лучше пойду с Троем.

– Боишься, что он без тебя заблудится?

– Боюсь, что опять свалюсь в обморок, а ты начнешь трогать мои веснушки. И хорошо, если только веснушки. У тебя дурной взгляд и руки грязные, так что трогай дверь, а не меня.

– Зря ты мне не доверяешь. Я ведь сказал, что не буду. Но вообще-то да, тебе лучше пройтись. Кто после заморозки не шевелится, тот дольше отходит. Может, побреешь хоть немножко.

– Где каюта капитана? – спросил Трой. – Журнал может быть там.

Драмиррес пожал плечами:

– Нам тут некогда было каюты искать. Закрывали трюм, народ выпускали. Сам поищи, корабль не такой уж большой. Только не выпусти пепельников, бежать от них здесь некуда, всех порвут.

– Что за пепельники?

– Это те твари, которые захватили трюм.

– Я уже понял. Откуда они взялись?

Драмиррес отмахнулся:

– Не хочу даже говорить. Миллиндра, объясни ему.

– Потом объясню, тут двух слов не хватит, – сказала девушка. – Трой, пойдём. Надо найти каюту капитана.

Глава 3

Пепельники

У ближайшей надстройки встретился давешний знакомец – Храннек. Он был не один, а в компании с высоким плечистым здоровяком лет девятнадцати. Светловолосый, лицо простецкое, и его сильно портит непомерно разросшийся, почти бесформенный нос.

Рыжий мальчишка обрадованно поприветствовал взмахом руки:

– Отлично, вы очнулись!

– Это Храннек, он нам дверь открыл, – представил его Трой. – Я Трой, а она Миллиндра.

– Это Айлеф. – Мальчишка указал на здоровяка. – А кто остался у дверей? Их что, никто не охраняет?!

– Там Драмиррес.

– А вы куда?

– Хотим поискать судовой журнал, надо узнать, что здесь произошло. Случайно, не знаешь, где каюта капитана?

– Вроде бы на корме, там дверь самая красивая. Я ее открыл, люка в трюм за ней не было, только коридор. Подпер ее доской на всякий случай, там на полу лужа крови, мало ли что. И возле нее Айриция осталась, если что, должна позвать на помощь. Сама она дверь не удержит – слабачка.

Корма была приподнята над палубой. На верхнюю площадку вели две лестницы вдоль бортов, дверь располагалась между ними. Возле нее на бухте размочаленного пенькового каната сидела рослая девушка лет восемнадцати с пышными светлыми волосами и пухлым ртом столь крошечных размеров, что кроме как ротик такой не назовешь. Зато все остальное далеко не мелкое, у нее формы взрослой женщины. Даже с учетом высокого роста фигура выглядит тяжеловато, особенно внизу, и потому Трой, сравнив Миллиндру с незнакомкой, счел первую куда более симпатичной. Не обращая внимания на приближающуюся парочку, блондинка при помощи простой щепки пыталась привести сбившуюся в колтун прическу в порядок.

Подойдя, Трой спросил:

– Ты Айриция?

Та, подняв голову, изучила его цепким взглядом синих глаз. Такое выражение не удивит, если встретишь его на лице сорокалетней, много повидавшей женщины, но у восемнадцатилетней девушки оно выглядит чрезмерно взросло. Будто от старухи пересадили.

Бледно улыбнулась крошечным ротиком, в лице более ничего не дрогнуло.

– Да, я Айриция.

– Я Трой, а это Миллиндра. Мы ищем каюту капитана. Не знаешь, где она?

Пожатие плеч:

– Не знаю, но если все корабли одинаково устроены, она должна быть где-то за этой дверью. Там кают-компания обычно и каюты офицеров. Только ее закрыли, доской подперли. За дверью кровь на полу, никто не знает, откуда она взялась. Там может оказаться еще один проход в трюм.

Трой покрутил багор, нахмурился. В случае схватки на палубе – не такое уж плохое оружие. Массивное, с железным крюком, которым при удачном ударе можно нанести

жестокою рану. Да и острое не такое уж безнадежное, как сперва показалось, тоже способно бед наделать. Но если дойдет до схватки в стесненных условиях крохотных кают и коридоров, особо не помашешь. Ему надо что-нибудь покороче.

– У тебя есть оружие?

Айриция покачала головой:

– Что я могу сделать против пепельников? Незачем мне оружие.

– А не знаешь, где можно его взять?

– На камбузе много чего брали. Может, там уже ничего не осталось. Хотя вон, под лестницей посмотри. Там маленькая дверца, а за ней ящички с какими-то инструментами. Драмиррес там нашел ломик для открывания ящиков.

Подсказка Айриции выручила: за дверцей оказалось что-то вроде плотницкой кладовки. Ничего особо смертоубийственного не нашлось, но сойдет и простой молоток, благо он немаленький и увесистый.

Пока Трой занимался поисками, Миллиндра уселась бок о бок с Айрицией. Хоть и старалась держаться бодро, но видно, что это ей дается тяжело, с самочувствием у нее огромные проблемы. Трой приходил в норму куда быстрее, хотя не сказать, что чувствует себя хорошо, но и не тянет присесть после нескольких шагов.

– Миллиндра, ты посиди тут, за дверь я пойду сам.

– Жить надоело?! А если там пепельники?!

– Не знаю, кто это, но не думаю, что ты сумеешь мне помочь. На ногах ведь еле-еле стоишь. Стерегите дверь, закройте ее за мной и не открывайте, пока не скажу.

– А как мы тебя услышим? Море шумит, а дверь толстая.

– Я постучу три раза. Такое точно услышите.

За дверью и правда было грязновато. Не лужа крови, как пугали, но серьезные потеки, такие невозможно не заметить. Пролилась она уже давно, успела свернуться, но когда Трой провел по разводу бойком молотка, по полу протянулась рыхлая черта. Значит, не так уж много времени прошло, вряд ли больше суток, скорее даже меньше, еще не засохла.

Дверь за спиной закрылась, стало сумрачно, источником освещения служило единственное оконце в конце коридора. Две двери по левую сторону, одна по правую. С какой начинать?

Начал с левой, выбрав ближнюю. За ней оказалась небольших размеров каюта со скромной обстановкой: койка у стены, небольшой стол, плетеный стул, шкафчик в одном углу, сундук в другом. На полу раскиданы разные предметы гардероба, там же валяется шерстяное одеяло. Похоже, здесь кто-то собирался в большой спешке или даже его выволакивали насильно, а он отчаянно цеплялся за все, что можно.

За второй дверью обнаружилась такая же каюта, разве что бардака в ней не наблюдалось, если не считать расправленные на койке брюки с ядовито-синими полосами на расширяющихся снизу штанинах. Им там явно не место, должны в шкафу висеть.

За правой дверью обстановка оказалась куда интереснее. Он даже слегка опешил, уж слишком разительное отличие от только что увиденного. Стены художественно обиты дешевой тканью; с резного потолка свисает позолоченный светильник с обычными свечами, безо всякой магии; на стенах там и сям развешаны безвкусные гобелены; мебель разнообразнее и несравнимо роскошнее той грубой функциональности, которая царила за дверьми по левой стороне коридора.

Должно быть, та самая кают-компания. И она же каюта капитана – на это намекает

широкая кровать, укрытая за наполовину задранной ширмой.

Здесь тоже была кровь. Большое пятно на лакированном паркете и несколько омерзительно выглядевших следов. Кто-то наступил в лужицу и оставлял их потом на всем протяжении своего маршрута. Присев, Трой поднял узкий обоюдоострый меч. Двойное перекрестье позолочено, рукоять набрана из кожаных кругляков, шершавая, удобная, так и просит ухватиться, клинок тонкий, отполирован до зеркального состояния, ни пятнышка ржавчины или грязи.

Без сожаления отбросил молоток – новое оружие куда эффективнее, с ним даже чувствуешь себя гораздо увереннее. А вот и ножны, валяются возле стены под клеткой, которая свисает с потолка. Не пустая – на жердочке сидит нахохлившаяся разноцветная птица с массивным кривым клювом. Пока нагибался, она уставилась неприязненным взглядом и хрипло проверещала:

– Подонки!

– Сама такая, – без обиды ответил Трой, ошеломленный тем, что птица умеет разговаривать.

– Подонки! Подонки! Подонки! – затараторила она.

Похоже, словарный запас не блещет богатством. Просто повторяет бездумно одно и то же. Не разумная, как заподозрил поначалу.

На столе была расстелена огромная карта, запачканная подозрительными пятнами. Поверх нее разбросаны инструменты для письма и разнообразные бумаги, как чистые, так и в разной степени исписанные. Взял один листок, морща лоб, вслух прочитал первую строку:

– Грузовая ведомость по второму носовому трюму.

Птице сказанное не понравилось:

– Подонки! Подонки!

Написанный четким почерком текст воспринимался с трудом, будто Трой не особо дружил с грамотой. Странно, но ему казалось, что это вовсе не так, что он прекрасно умеет читать. Или то, что сотворили с его памятью, сказалось на некоторых навыках?

Как он уже понял, в ящики просто так не сажали. И он и все другие спасшиеся попали сюда за разные прегрешения. Вон Миллиндра с виду чуть ли не милый ребенок, но список преступлений у нее внушительный. А вот у Троя ничего нет, кроме имени и одного слова описания, из которого ясно, что его память о себе полностью уничтожена по приговору неведомого суда.

Да что же такое он мог сотворить? Уму непостижимо, криминального груза за собой не чувствует, нет ни малейшей тяги к злодеяниям, за которые тебе могут стереть без остатка всю прошлую жизнь.

Ничего похожего на судовой журнал не наблюдалось, но Трой заметил шкафчик, где за решетчатой ажурной дверцей просматривались какие-то увесистые книги. К сожалению, они не имели никакого отношения к корабельным делам. И вообще оказались альбомами с цветными картинками скабрёзного содержания. От некоторых даже отъявленный распутник может покраснеть. Тот, кто любит подобные зрелища настолько, что выделяет под них несколько полок, явно ненормален.

Порицая чужие грехи, бегло пролистал пару книг, делая паузы на некоторых приятных глазу изображениях. Лишь поймав себя на том, что при этом воровато поглядывает в сторону двери, устыдился и вернул нехорошую литературу на место.

В другом шкафу обнаружилась керамическая плочка с зерном. Птица, пристально

наблюдая за перемещениями Троя, тут же начала к нему подлизываться:

– Свистать всех наверх! Фдуч хороший! Фдуч настоящий моряк! Фдуч гроза морей! Фдуч лучший друг моряка!

– Так тебя зовут Фдуч? – уточнил Трой.

– Фдуч хороший! Фдуч такой красавчик!

Нетрудно догадаться, что заставило его резко изменить настроение – блюдо, закрепленное в рамке на стенке клетки, было пустым, если не считать несъедобных ошметок от расклеванных зернышек. Раскрыл клетку. Птица благосклонно проследила, как он насыпает корм, и попыталась предательски клюнуть в тот момент, когда начал вытаскивать руку. Пригрозил ей пальцем:

– Веди себя прилично!

– Подонки! Подонки! Подонки!

– Вот ведь неблагоприятное создание! Я его кормлю, а он за это клюется и ругается!

Птица, потеряв интерес к человеку, занялась зерном. А Трой, случайно взглянув на стол, занимавший центр каюты, под другим ракурсом, заметил, что расстеленная на нем карта в одном месте подозрительно вздымается, будто под ней скрыт какой-то большой и плоский предмет. Там же поверху небрежно навалены бумаги, из-за них со стороны двери разглядеть ничего не получалось.

Завернул угол карты и увидел большую раскрытую книгу в тяжелом кожаном переплете. Страницы желтоватые, но бумага получше той, на которой набросаны списки обитателей ящиков. Приподнял, развернул, уставился на переплет, по буквам прочитал тисненую надпись:

– «Барк «Кархингтайл». Судовой журнал».

Ура! Он сделал это – нашел то, что искал. Теперь им есть где узнать о том, что именно случилось с кораблем и как выпутаться из непонятной ситуации.

Можно уходить, но для начала надо обыскать шкаф с одеждой. Есть некоторые проблемы с гардеробом, кое-чего не хватает. Серые шерстяные штаны на завязках, из того же материала куртка и белая рубаха-безрукавка из грубой ткани – в такое облачены все, кроме Миллиндры и Айриции. У девушек невеликие отличия – вместо штанов длинные, убого выглядевшие юбки из той же шерсти и чулки. Громоздкие ботинки на деревянной подошве одинаковые у всех, при ходьбе по доскам палубы они грохочут, будто забиваемые молотком гвозди.

Трой непривередлив, сойдет и такое тряпье. Вот только меч никуда не прицепишь, нужен пояс, вот и пришлось обыскивать шкаф. К счастью, капитан не скупился на тряпье и прочем, так что невольный вор быстро подобрал самый скромный вариант. Пришлось кончиком клинка проделать несколько дополнительных отверстий, прежний владелец явно не из худых. Ну все, теперь есть куда пристроить оружие.

Можно выбирать, дела сделаны: меч на поясе, судовой журнал зажат под мышкой, благодарная птица не умрет от голода. Хорошо бы устроить детальный обыск, вдруг еще что-нибудь интересное подвернется, но это можно сделать позже.

Вышел в коридор, приблизился к двери, трижды стукнул, замер. И нахмурился – с другой стороны явно что-то происходило. Судя по голосу, Миллиндра поспешно, с гневными нотками, кому-то что-то втолковывала. Но ее голос оборвался заглушенным хриплым агрессивным басом. Говорил кто-то незнакомый, ни слова из-за толстых досок не разобрать, но интонация Трою не понравилась.

Еще раз постучал, громко прокричал:

– Это я! Открывайте!

Ноль реакции. Вновь затараторила Миллиндра, ей вторила Айриция, и тот же непонятный бас что-то высказывал. Затем кто-то вскрикнул с яростью, другой – с болью, взвизгнула какая-то из девушек. Трой с силой ударил в дверь, потом еще и еще, не жалея плечо, отчаянно. Там происходит что-то непонятное, а он второй раз за безумный день заперт. И пусть размеры помещения куда больше прежнего тесного ящика, в остальном ничего не изменилось.

К тому же закрылся по своей воле, вот ведь баран!

Серия непрекращающихся ударов расшатала небрежно установленную доску, которой подпирали дверь. После очередного створка сорвалась с места, Трой по инерции выскочил на палубу, едва удержавшись на ногах.

Первое, что бросилось в глаза, – незнакомый парень с окровавленным лицом. Похоже, досталось ему как следует, он, лежа на боку, пытался в таком положении отползти в сторону от главного действия. Рядом с ним еще один незнакомец, на вид лет двадцати, не сказать что слишком высокий, но куда выше Троя и к тому же непомерно широкий в плечах и брюхе. Расставив руки в стороны, он медленно надвигался на кружащего вокруг него Драмирреса. Тот, подкидывая в ладони нож, зловеще скалился, время от времени делая обманные движения, молниеносно отскакивая и изображая ложные атаки. Возле дверцы, за которой Трой разжился молотком, стояли обе девушки и мелкий Храннек, все трое кричали, на все лады требуя прекратить драку. А со стороны носа приближались три серые фигуры: две хлиповатые, их Трой впервые видел, и одна знакомая – здоровяк Айлеф спешит на веселье, небрежно помахивая увесистой рукоятью от лебедки.

Похоже, все в сборе. Или почти все.

Миллиндра, увидев Троя, крикнула:

– Осторожно, этот узкоглазый бешеный!

Драмиррес явно не узкоглазый, значит, речь идет о массивном бугае. Хотя, если посмотреть на смуглолицего, почти нет сомнений, что именно он зачинщик происходящего, но Миллиндре Трой верил. И потому, нервно сжав зубы, вытащил меч из ножен, приблизился к громиле со спины, легонько похлопал кончиком клинка по плечу, требовательно приказал:

– Угомонись! И ты, Драмиррес, тоже!

– Ага, – якобы согласился смуглолицый. – Только рот ему до ушей разрежу, пусть в дешевом балагане своей улыбкой людей веселит!

– Оба успокоились!

– Да спокоен я! Спокоен! Ты этому борову говори! – крикнул Драмиррес, отойдя на пару шагов.

Бугай медленно развернулся и попытался ухватиться за клинок меча голой рукой. Трой отдернул оружие, покачал головой:

– У тебя пальцы лишние?

Лицо одутловатое, глаза-щелочки, тонкие губы жабьего рта искривлены в неприглядной ухмылке. Да уж, тот еще красавчик, такому самое место в кошмарах сниться. Голосом грубым, невнятным, тем самым агрессивным басом, прогудел:

– Убери железяку, пока я ее не отобрал.

– А ты попробуй, – ничуть не испугался Трой.

Непонятно откуда пришло знание, что с мечом в руке он спокойно уделает полдюжины таких задир. Этому не помешает даже излишняя тяжесть клинка, Трой бы предпочел что-

нибудь покороче и полегче. Рука будто знает, что именно ей надо.

– Трой, убей его! – выкрикнул Храннек. – Убей Бвонга! Он покалечил Стрейкера! Убей!

Надо быстро вернуться к дверям, пока не вырвались пепельники!

– Ну давай! Давай! Начинай! – взревел Бвонг, надвигаясь.

Трой, отшагнув назад, покачал головой:

– Много чести, убивать не стану.

– Что?! Кишка тонка?! Страшно стало?!

– Подрежу тебе коленки. И еще кое-что отрежу, чтобы такие уроды, как ты, не смогли размножаться.

С этими словами Трой взмахнул клинком перед лицом противника, оставив на кончике носа крошечную царапину. Даже сам не понял, как сумел проделать столь филигранное движение, рука сработала независимо от сознания.

Бвонг, опешив, замер, потрогал нос, размазав капельку крови. В его невменяемых глазах первый раз промелькнуло что-то разумное. Недоумение с ноткой если не страха, то опасения. И нешуточное колебание, титаническая работа мыслительного механизма. Он уже не был так уверен в себе и опасался сделать шаг навстречу противнику, который способен с такой точностью размахивать мечом.

На миг воцарилась неподвижная тишина: троица, возглавляемая Айлефом, остановилась в шаге от Драмирреса, не зная, что делать дальше; девушки и Храннек замолчали; избитый Стрейкер дополз до лестницы на кормовую площадку и там замер, а Трой застыл напротив Бвонга, чуть опустив меч. Из такого положения он мог в любой момент нанести молниеносный колющий удар, которым пронзит массивное тело насквозь.

Дальше все резко изменилось – появились новые участники конфликта.

Заклекотало, заухало, завизжало, затрещало сокрушаемое дерево. Хреннек, попятившись к лестнице, перепуганно пролепетал:

– Они вырвались...

– Ну спасибо, Бвонг, чтоб тебе в ослином навозе проснуться! – выкрикнул Драмиррес, с сомнением посмотрев на свой нож.

Похоже, все, или почти все, понимают, что дело плохо, а вот Трой до сих пор не имеет ни малейшего представления о происходящем. И к тому же чувствует себя увереннее, чем когда-либо. У него в руке недурственный меч, он почти успел испытать его в схватке и остался доволен.

И тут опять все изменилось. Резко.

Резче не бывает.

Из-за пристройки вынеслась фигура, голая по пояс, но в знакомых серых штанах и одиноком ботинке. Скорость ее была такова, что деревянная подошва простучала по доскам палубы с частотой поспешной барабанной дроби, затем последовал длинейший прыжок с вытянутыми вперед руками – один из спутников Айлефа упал с душераздирающим криком.

Миг, и по палубе покати́лся второй – новая стремительная фигура размазалась в пространстве при атаке, скорость просто невероятная.

– Айлеф! Ложись! – заорал Трой, бросаясь к месту схватки.

Странно, но здоровяк послушался, без задержки припал животом к палубе. И очень вовремя, потому как третий нападающий пронесся над ним с разочарованным визгом, чуть-чуть не успев ухватиться за голову. Скорость полета была такова, что ему пришлось сложиться в воздухе, упасть, покатиться кубарем, гася инерцию нереализованной атаки.

Трой, приближаясь с ускорением, правильно рассчитал момент, заранее взмахнул клинком, и лезвие оказалось в нужной точке в нужное время.

Рывок запястья, и нападающий катится дальше, только он уже не тот, что раньше, – в сторону отлетела отсеченная рука, а из добротного испорченного бока хлещет фонтан странно-темной, почти черной крови.

И никаких колебаний. Ни малейших. Голова чиста от мыслей, тело будто само собой действует.

– Добить! – крикнул Трой, бросаясь на следующих.

Эта парочка занималась сваленными с ног ребятами, и дела у последних были плохи. Один вообще не шевелился, его горло уже успели кроваво обгрызть и продолжали этим заниматься с большим аппетитом; второй еще хрипел, пытаясь оторвать от себя полуголового человека, с рычанием пытавшегося выхватить из его шеи очередной клок мяса.

Этому, похоже, помощь нужнее, и Трой, подскочив, с силой ударил сверху вниз. Не промахнулся: кончик клинка с хрустом сокрушил затылок, смертельно раненный захрипел, судорожно задергался, но даже при этом продолжал тянуться зубами к добыче. Лишь второй взмах его успокоил, да и то не окончательно – агония получилась бурной, с пронзительными воплями и дергаными перекатами по палубе.

Второй, оторвавшись от кровавой трапезы, недобро уставился на Троя, продолжая при этом монотонно пережевывать.

Взгляд нехороший. Не бывает у человека глаз столь желтых, что они кажутся чуть потускневшими кусочками небесного светила. И узких кошачьих зрачков в непомерно огромной роговице тоже не бывает.

Зубы не разглядеть, но Трой готов на что угодно поспорить – с ними не все ладно. Не могут наши резцы и клыки с такой легкостью отрывать куски живого мяса.

Не человек это. Что угодно, но не человек.

Тварь в людском облике прыгнула без подготовки, не подобравшись перед этим, никак не выдав свои намерения. Только что лежала на добыче и вдруг из такой неудобной позы подскочила на уровень шеи Троя, вытягивая жадно трясущиеся руки.

Быстро двигается. Очень быстро и непредсказуемо. Но и он не стоит столбом, ворон на заборе считая, Трой тоже кое-что умеет.

Дотянуться до головы мечом не получилось, успел чуть изменить траекторию клинка, намереваясь подсесть руки, но вышло не совсем так – удар пришелся по кистям, в сторону отлетели отсеченные пальцы. Уклониться от взлетевшего противника удалось лишь частично, тот успел дотянуться, но и только – искалеченная ладонь не позволила ухватиться, он лишь запачкал кровью нижнюю половину лица и оставил царапину на подбородке.

А Трой успел ударить еще раз, в уже удаляющегося, приземляющегося на палубу. Достал самым кончиком, подрубив сухожилие над пяткой. И когда раненый попытался вскочить, поврежденная нога подвела, он, разбрызгивая черную кровь размахивающимися руками, завалился на живот, и подняться ему не дал Айлеф, размозжив затылок тяжелой рукоятью от лебедки.

Трой обернулся, облегченно вздохнул – третья тварь, которой он в самом начале отсек руку, тоже не шевелится. Валяется возле двери в коридор с каютами, рядом с опешившим видом стоит Бвонг, зажимая одной ладонью вторую, и меж пальцев обильно струится кровь. Судя по всему, успели как следует цапнуть.

Спасибо, что не за шею.

– Кто это такие?! – рывкнул Трой, проворно оглядываясь по сторонам.

– Да пепельники же! – крикнул Храннек. – Быстрее за мной, мы там дверь открыли, чтобы их подманить, а потом эта туша буяннить начала, драка началась, все сюда бросились, так и оставили распахнутой! Там сейчас никого нет, могут вырваться новые! Быстрее!

Едва закрыли дверь, как с другой стороны ударили с такой силой, что затрещала щеколда. Еще удар, еще, и тут же омерзительные клокотания, которые почти не заглушаются толстыми досками.

Храннек покачал головой и с горечью произнес:

– Не выдержит, если так и будут стучать.

Трой кивнул:

– Надо с этим что-то делать. Айлеф, упрись в дверь, удерживай. И где этот Бвонг?! Эй! Ты у нас самый толстый, тебя сожрут первым! Так что бегом держать дверь! Плечом подопри!

– А ты куда?! – крикнул вслед Храннек.

– Я за досками и гвоздями! Драмиррес, проследи, чтобы остальные выходы не остались без присмотра!

Это хорошо, что Трой заглянул в дверцу под лестницей. Там есть инструменты для плотницкого дела и гвозди, в том числе и длинные. Дайте только немного времени, и все входы в трюм окажутся заделанными наглухо.

Теперь он точно знает, что прежние страхи не безосновательны. В темноте трюма каким-то образом оказались очень серьезные враги. Выглядят они практически как люди, но те им и в подметки не годятся по быстроте и силе.

Не говоря уже о хватке челюстей – обычным людям не дано с такой легкостью рвать живое мясо.

Откуда они там появились, как такое могло произойти с человеком – Трой не знал. Но ответы на эти вопросы можно получить позже, сейчас несопоставимо важнее как можно быстрее сделать так, чтобы этот загадочный враг и далее оставался во мраке трюма.

Если выберется, тут станет не до вопросов.

Глава 4

Знакомство

Забил очередной гвоздь, придирчиво оценил результат. Доска, оторванная от искалеченного рухнувшими мачтами фальшборта, была наискось протянута через дверь и приколочена в нескольких местах. Не единственная, их тут уже четыре штуки. Теперь здесь вырваться куда труднее, закрепили на совесть.

Но и открыть дверь с этой стороны не так просто. Если в темноте трюма еще остались нормальные люди, им не позавидуешь.

Непрекращающийся стук молотка доводил пепельников до неистовства. Поначалу они ломались в дверь как голодные медведи на пасеку, но хитрец Храннек предложил действенный метод борьбы с их назойливостью. Проще не бывает – прямо в дверь заколотили полтора десятка длинных гвоздей. Они прошили доски насквозь, острия их торчали навстречу желающим вырваться на палубу. Судя по последовавшим воплям, кое-кому пришлось пострадать. Очень быстро обитатели трюма пришли к правильным выводам, и удары прекратились.

Сунулись было в другом месте, но инструментов и гвоздей хватало, так что там им тоже ничего не обломилось. На какое-то время можно вздохнуть спокойно, явную угрозу устранили.

Подошел Драмиррес и, не переставая поигрывать ножом, осведомился:

– Ты тут лучше всех разбираешься в морских делах. Пепельники могут вырваться в других местах? Или только через двери?

– Как я понял, в трюм ведут три лестницы, и двери мы заколотили. Есть еще трюмные люки. – Трой указал на ближайший массивный прямоугольник. – Но там нет лестниц, им к ним не подобраться.

– А я вот думаю, что они куда угодно заберутся. Ловкие, будто мухи. И кто его знает, что в верхних трюмах? Вдруг груз навален под самый потолок? Тогда им не придется прыгать.

– Если и так, крышку люка еще надо поднять. А она тяжелая, так специально задумано, чтобы волнами не сорвало. Даже мы не сможем это сделать, надо крутить лебедки через блоки, которые были прикреплены к мачтам. А они пропали вместе с ними.

– Как можно было потерять три мачты из четырех?! Да, я ничего не разбираюсь в море, мог бы и не так начудить, но ведь здесь не тупоголовые ишаки плавали.

– Я нашел судовой журнал, можно там узнать.

– Нашел? Так давай, читай.

Трой не хотел признаваться, что с чтением испытывает небольшие затруднения, и потому предложил альтернативу:

– Лучше пусть Миллиндра прочтет, я хочу вбить еще несколько гвоздей. Журнал лежит возле тех дверей, где ты дрался с Бвонгом. Отдай его ей.

– Хорошо.

– Постой! А из-за чего началась драка? Что там вообще у вас произошло?

– Точно сам не знаю. Бвонг почему-то оставил дверь, за которой смотрел, и вроде бы начал приставать к девчонкам. Или просто сцепился с ними словами, они переговаривались до этого издали. Обе начали его костерить на все лады, особенно Миллиндра. Да и Айриция

ничего, редко говорила, но зато так, что у меня уши в трубочку скручивались. Скажу тебе, она такие словечки знает, что закачаешься. Стрейкеру это надоело, сказал ему заткнуться и шагать назад, нельзя, мол, бросать выходы без охраны. А Бвонгу это не понравилось, набросился на него и начал избивать. Я услышал вопли, пришлось вмешаться, этот боров мог Стрейкера напополам разорвать. Да и тебя тоже.

– Да ты вроде ростом немногим выше меня, тебя бы он тоже разорвал быстро.

Драмиррес ухмыльнулся:

– Пусть сначала разорвет мой нож.

Выбрав новый гвоздь, ровный и длинный, Трой покосился в сторону кормовой надстройки. Там девушки зашивали в парусину тела убитых ребят. А он ведь даже не успел с беднягами познакомиться. Эти пепельники, кто бы они ни были, опасны настолько, что ни в коем случае нельзя подпускать их к себе. Как показало случившееся, обгрызают шею до костей быстрее акул.

Полный трюм трупов и непонятных пепельников, и вообще ничего не понятно. Но ритуалы – святое, теперь придется устраивать церемонию похорон. Благо что корабль вооружен, борта прикрыты шестеркой тяжелых баллист, хватает каменных ядер для груза, который утянет погибших в морскую пучину.

Начал забивать гвоздь. Из-за двери заклекотали, но уже куда скромнее, чем поначалу. И не бросились, стараясь всем телом вышибить преграду. Умеют учиться на дырках в своей шкуре.

Подошел Храннек:

– Трой, ты как думаешь хоронить ребят?

– Как всегда хоронят в море – бросить в воду.

– Вообще-то я не о том.

– Тогда я тебя не понимаю.

– Мы тут подумали, что лучше всем собраться вместе. Мы же заодно были, так будет правильно, на похороны принято приходить всем.

– Хорошо, еще несколько гвоздей забью и подойду.

– И можно потом поесть. Все голодные, и у нас получится вроде поминок.

– Что у нас с едой?

– На камбузе есть солонина и сухари.

– Много?

– Не очень. Но я еще не все осмотрел.

– Солонина хоть съедобная?

– Вроде не воняет, но соленая очень.

– Ел уже?

– Кусочек попробовал.

Очень хотелось чего-нибудь горячего. Лучше всего – наваристой мясной похлебки. Это как раз то, что надо истосковавшемуся по пище желудку. Может, удастся сварганить что-нибудь приличное из простой солонины, но об этом думать некогда, придется отложить на потом.

К тому же корабль большой, тут и помимо недоступных трюмов много чего есть, надо все тщательно осмотреть, глядишь, найдется что-нибудь повкуснее. В той же капитанской каюте ему попался шкафчик, набитый бутылками и крошечными амфорами со спиртным. Можно еще поискать, вдруг и закуски отыщутся. Вряд ли человек, спавший за шелковой

ширмой, давился залежалой солониной наряду с простыми матросами.

* * *

Первое тело не задержалось на поверхности – мгновенно развернулось вертикально, стремительно ушло в глубину. Со вторым вышло не так быстро – плохо затянутая парусина надулась уродливым пузырем, мертвец скрывался под водой медленно, после этого некоторое время можно было разглядеть светлое пятно в темной пучине.

Бвонг, баюкая замотанную полоской ткани ладонь, недовольно произнес:

– Все равно всплывут. Если брюхо не распороть, всегда всплывают.

Трой понятия не имел, за какие прегрешения тот угодил в трюм «Кархингтайла», но после таких слов в голову начали закрадываться подозрения, что без сокрытия следов смертоубийства не обошлось.

– Кто-нибудь знает похоронную молитву? – очень серьезным тоном спросил Айлеф.

Все начали переглядываться, и совершенно неожиданно отозвался Бвонг:

– Да не покинет вас Святой Круг на последнем пути. Да избавит вас Святой Круг от ужаса севера и огненного мрака, где нет ничего, кроме сожаления о несбыточном. Да будет дорога ваша легка, как вечное движение соленых вод, да будет ваша последняя обитель чиста от пепельной скверны. Вроде все, нормально проводили.

Храннек покачал головой:

– Похоронная молитва должна быть длиннее.

– Шакал ты мелкий, откуда тебе знать?!

– У нас, когда старший купца зарезал и потом топил его в болоте, и то дольше говорил.

Мы до этого думали, что он только ругаться умеет.

– Грех свой отмаливал, нельзя человека болотникам отдавать, это всякий знает.

– Так и за тобой грешок водится, – встрял Драмйррес. – Если бы кто-то не устроил хрен знает что, эти ребята могли бы жить дальше.

– Слышишь, ты, урод северный, ты на что намекаешь?!

– Я разве намекаю? Я прямо говорю.

– Заглохли оба, – беззлобно произнес Трой. – Хоть на похоронах попытайтесь не вцепляться друг другу в глотки. Нас и так осталось всего ничего, потеряем еще нескольких и не сможем следить за всеми выходами. Оба мечтаете еще раз схлестнуться с этими ребятами?

– Нам так и так хана, – буркнул Бвонг. – Этот корабль бросили не просто так, он проклят. Он столько отправил в земли Краймора без возврата, что духи моря разозлились как следует и переломали ему почти все мачты. Я так руки одному умнику переломал, который щипал пижонов в моем переулке и ни разу не поделился добычей. Такими лапами ему теперь только у пьяных из карманов последние медяки тягать.

– Ну а мы тут при чем? – спросил Стрейкер. – Нас-то за что проклинать? Лично я никого не убивал и не калечил. Да, грехи были, не спорю, но не такие уж страшные, крови на мне нет.

– Все так говорят, – не успокаивался Бвонг. – А как колупнешь чуток, так столько всего вскрыется, что останешь проклинать. Все мы проклятие заслужили, раз сюда попали.

– Не только мы, – добавила Миллиндра. – В трюме было шестьсот два человека.

Скажешь, что они тоже заслужили проклятие?

– Так все они, как и мы, – грязь и отбросы, – ухмыльнулся Бвонг. – Только не надо рассказывать, что вас ни за что в ящики посадили. Так все неудачники говорят. А я скажу вам честно: меня есть за что проклинать, я это заслужил и не собираюсь оправдываться. Что сделано, то сделано.

Вытянув неперевязанную ладонь, здоровяк задрал рукав куртки, показал на длинные шрамы – розоватые свежие и белесые застарелые:

– Умники, вроде Драмирреса, не один раз порезать меня пытались. Я, может, и не такой проворный, как некоторые, рукам частенько доставалось, зато стоило ухватиться за такого шустрого, и все очень быстро заканчивалось. Вот этими ладонями я свернул парочку шей, а уж сколько рук из плеч вывернул – не счесть. Первого человека убил в двенадцать. Я тогда был пухлым мальчишкой, сиротой, который отирался на задворках Талайского рынка. Этот козел бродил там специально, высматривал беспризорников вроде меня, заманивал деньгами и уводил. Никто из них после этого не возвращался. Так я потерял брата. А потом и сам пошел за ним, вот только он слишком рано отпустил охрану, любил забавляться в одиночестве. Я оглушил его, врезав по голове гирькой на ремне, потом связал и заставил рассказать, что он сделал с моим братом. Его слова меня сильно разозлили, и я слишком быстро его убил. Сейчас бы нет, сейчас бы сдержался и такое с ним сотворил, что он бы на коленях умолял о смерти. Я родился проклятым, в проклятой семье, и вы все такие же, как я, иначе вас бы здесь не было.

Трой кивнул:

– Возможно, и так, но давай обойдемся без проклятий. Предлагаю каждому сказать, за что именно он оказался в трюме.

– Зачем это? – удивился Драмиррес.

– Чтобы больше не возникали такие разговоры и чтобы знать, чего можно друг от друга ожидать. Можно, конечно, все прочитать в списках, но правильнее сделать это открыто и вслух. Раз уж мы в одной лодке, давайте привыкать к нашим плюсам и минусам, иначе сцепимся рано или поздно и перебьем друг дружку безо всяких пепельников. Здесь слишком тесно, и мы зависим друг от друга. Забудьте уже о том, что было, иначе нам не выжить. Считайте, что начали жить заново. А теперь пару слов о том, как жили до этого. Драмиррес?

Смуглый подкинул нож:

– Неужели по мне непонятно? Слегка подрезал одного богатенького хлыща. До этого он грубо обошелся с моей сестрицей, такое в наших краях не прощается. А когда уродец вернулся с парой братьев, подрезал их уже не слегка. Убийство, да еще и шулерство припаяли.

– А шулерство тут при чем? – удивился Бвонг.

– Да попался с парой высверленных костей в кармане, вот и припаяли для комплекта.

– То есть все же шулерство было.

– Если и было, то не в тот раз. Я ведь тогда ножом работал, а не кости кидал. Миллиндра, давай лучше ты. У тебя такой список – закачаешься, хочу, чтобы народ удивился.

– Чему тут удивиться можно? – пробурчал Бвонг. – Да она бабочке крылышки отрывать не станет, тоже мне, разбойница с большой дороги выискалась.

– Спорим, что она тебя удивит?

– А на что? На твой тощий зад? Да запросто.

– Лучше уж на твой, хотя я бы предпочел твою мамочку.

– Если бы ты видел мою мамочку, то не стал бы такое говорить.

– Если сынок пошел в нее, то я уже почти влюбился.

– Ладно, клоун, давай на три щелчка по лбу. На четыре страшно, еще подохнешь, меня совесть потом замучает. Ну ты, Веснушка тощая, за что тебя к нам отправили? Стащила с прилавка леденец на палочке?

– Да сколько уже можно повторять?! – нервно произнесла Миллиндра и, не отрываясь от раскрытого судового журнала, протараторила: – Незаконное проникновение, взлом, попытка кражи летающего питомца, сопротивление при задержании, нанесение телесных повреждений, попытка убийства.

Бвонг захохотал так, что жир на брюхе заколыхался, а из носа свесилась зеленая сопля. Небрежно смахнув ее ладонью, спросил:

– Ты там кого убить пыталась? Клопа постельного? Муху зеленую? Вот ведь умора!

– Ты удивился, так что подставляй лоб, пока я тебя за долги не порезал, – потребовал Драмиррес.

– Смотри только палец не сломай, хлюпик.

– Не сломаю, не надейся. Раз щелчок, два...

– Айлеф, а тебя за что? – спросил Трой.

– Судя по крестьянской морде, корову украл или овцу, – предположил Бвонг, без эмоций расплачиваясь за проигранный спор.

– Вообще-то я сено воровал, – вздохнул светловолосый здоровяк с простецким лицом.

Бвонг опять захохотал, но тут же осекся:

– За сено в ящик сажать не станут, ты нам что-то не договариваешь. Некрасиво это, будь хоть с нами честен.

– С сена все только началось, – признал Айлеф. – Мы попались управляющему, и он ударил моего младшего брата. Я не знаю, как так вышло, но я тоже его ударил.

– Брата? – впервые за все время отозвался избитый Бвонгом Стрейкер.

– Нет, управляющего.

– И что же было дальше? – спросил Трой.

– Ну и все. Ничего не было. Убил я его.

– Управляющего?

– Ага.

– Одним ударом?! – с недоверием спросил Бвонг.

Ничего не ответив, Айлеф поднялся, подошел к заколоченным дверям, взял одну из неиспользованных досок, удерживая за один конец, уперся другим в стену, вскинул руку над головой, сжал в кулак, опустил будто молот.

И доска с треском разлетелась на две части.

Все загалдели на разные лады, удар вышел с виду неуклюжим, но это не уменьшало его зрелищность. Корабельные доски тонкими не делают, и пусть эта не самая серьезная, хлипкой ее не назовешь.

Айлеф, отбросив оставшуюся в руке половинку, пояснил:

– У нас семья такая. В каждом поколении силач с мощным ударом рождается. Мне бы в кузнецы, как дед, но где уж теперь...

– Ты последний, с кем я решу подраться, – с уважением произнес Бвонг. – Но знаешь, зря ты нам про сено рассказал. Тебе теперь все будут его припоминать. В том числе и я. А ты, белобрысая, за что тут? Кого-то пришила, или за другие дела? Думаю, пришила, по глазам

видно, взгляд мертвецами набит. Одного? Двух?

– Многих, – равнодушно ответила Айриция.

Она вроде бы за все время ни разу не отвернулась от моря, так и смотрела на то место, где в пучине скрылись два тела.

– Расскажи, всем очень интересно.

– Я попала в трюм за непристойное поведение, приставание к мужчинам и соучастие в многочисленных убийствах.

– Ну ничего себе! Так ты продажная женщина?! – нездорово оживился Драмиррес. – А в кредит можно? Если так, нам надо срочно обсудить кое-какое взаимовыгодное дело.

– Остынь, северянин, я первый в очереди, – важно заявил Бвонг.

– Да, все верно. Я продажная женщина, ведь так сказали церковники. А то, что ни один клиент так и не довел меня до кровати, – суду такие мелочи неинтересны.

Драмиррес повернулся к Бвонгу и озадаченным тоном произнес:

– Так как ты первый в очереди, не хочешь ли прямо сейчас выяснить, по какой причине ее клиенты останавливались на полдороге? Мне очень хочется это знать, я чувствую какой-то недобрый подвох.

Бвонг почесал подбородок, умопомрачительно скривил нижнюю губу, кивнул:

– Да, я думаю, что мне тоже следует это узнать. Говори, падшая женщина, мы хотим услышать, что приключилось с твоими клиентами.

– Старые мужчины любят молоденьких девочек. И у старых мужчин часто водятся деньги, потому они не скупятся на угощение. Всего несколько капель в их бокалы, и забвение наступает очень быстро.

– Так ты отравительница? – удивился Храннек. – Я видел отравительницу, она совсем на тебя не похожа. У той был нос крючком, хоть землю паши, а ты красивая.

– Обычно я их просто усыпляла, все остальное делали мой отец и братья. Но иногда сонного зелья оказывалось слишком много, и сердце не выдерживало. У старых мужчин оно слабое.

– Так это у вас семейное ремесло? – понимающе уточнил Драмиррес.

– Да, семейное. Мы потеряли ферму из-за старых долгов, отец и до этого баловался торговлей дурной травой, а после совсем голову потерял. Хотел все вернуть, и плевать каким способом. Он потерял последнее, моей семьи больше нет, братьев и отца казнили. Для мужчин возраст казни – семнадцать лет, для женщин – восемнадцать. Если казнить раньше, это станет прямым нарушением всеобщей хартии прав и вольностей. Поэтому они мертвы, а я оказалась в ящике.

– Так я не понял, ни один клиент не добрался до твоей койки? – спросил Бвонг.

Айриция впервые за время разговора повернулась, бледно улыбнулась, еле заметно покачала головой:

– Так уж получилось, что у меня очень строгий отец. Никакой свободы до замужества.

– Угу. Не повезло тебе с ним. Сплошные недостатки.

– Но я все же попала сюда в том числе за приставания к мужчинам и непристойное поведение. Я и правда падшая женщина.

Бвонг опять рассмеялся, похоже, здоровяку для этого много не надо. И, явно увлекшись процедурой знакомства, повернулся к злящемуся на него Стрейкеру:

– А ты никогда не лезь, когда я с дамами общаюсь. И ни к кому не лезь, а то так и будешь ходить поколоченным. За что тебя сюда?

– Воровство.

– Ты всего лишь вор? – спросил Драмиррес. – За кражу на Крайний Юг не отправляют, что-то темнишь.

– Отправляют. Если украл у церкви.

– Ты обокрал церковь?! Круто!

– Не однажды, – польщенно заявил Стрейкер.

– Со взломом? – с интересом спросил Бвонг.

– Я забираюсь в любое окно, на любой высоте. В любую погоду, днем или ночью. Могу в такую щель пробраться, куда кошка едва помещается. Вы знаете, почему она пролазит в самые узкие места? Потому что у нее нет ключиц. У меня они есть, но я все равно куда хочешь заберусь. Открываю изнутри двери сообщникам, бывает, работаю сам. У церкви всегда есть чем поживиться.

– Но надо быть совсем уж отмороженным, чтобы красть у клириков. – Драмиррес покачал головой.

– Ага. Как схватили, так первым делом это сказали.

– Всегда воров уважал, – заявил Бвонг. – У них свои законы, они понятные и правильные. Не то что у судей, там хрен догадаешься, что и как. Что ты ни делай, все равно виноватым выставят. Ты не серчай, не хотел я тебя так сильно отоварить, но рука у меня слишком тяжелая. Лучше бы ты на мачту забрался, раз такой ловкий, тебе в драку встречать нельзя, слишком шуплый. А ты, мелкий, за что сюда угодил? Небось шестеркой при бандитах был и заодно с ними под раздачу попал?

Хранек за словом в карман не полез:

– А разве ты в четырнадцать был главным бандитом рынка?

– Да уж покруче тебя.

– Я, между прочим, украл кошелек у городского судьи.

– Лучше бы ты у него судебную печать украл – тема выгодная.

– Нет, правда, я ловко это умею. Вот что хочешь в карман положи, береги всеми способами, но еще до темноты оно станет моим.

– Поспорил бы я с тобой на щелчки по лбу, да только тебя такой проигрыш точно прикончит. Так что живи, мелюзга. А ты, Трой? Небось мечом покрошил кого-то? Разбойничал? Ловко ты этой штукой машешь, будто из благородных. Только благородных в трюм не отправляют, куда нам, черным простолодинам, до голубых кровей.

– Я единственный честный человек среди вас, – усмехнулся Трой.

– Да что ты говоришь? А я тогда святее всех святых, задницей Драмирреса клянусь, верьте мне все.

– Можешь почитать в списке, за мной ничего не числится.

– Я разве похож на того, кто читать умеет? Просто так на Крайний Юг не отправляют. Не знаю, что там в ваших списках, но ты крепко набедокурил. Рассказывай давай, здесь все свои, и мы о себе все рассказали. Так нечестно.

– Да я бы с радостью, вот только мне нечего рассказывать.

– Только не надо пушистой овечкой прикидываться, а то я сейчас тоже начну плести всякие небылицы. Скажу для начала, что мать моя была честной женщиной, а отец начальником рыночной стражи. Кто в такое поверит? Вот и мы тебе не верим.

– Жирный, за всех не говори, – отозвалась Миллиндра.

– А то что? Веснушка с ушами, я так и не понял, каким ветром такую скромняшку сюда

занесло, а ты теперь еще и этого прикрываешь. Снюхаться успели?

– Я тогда тоже прикрываю, – сказал Драмиррес. – Трою и правда нечего рассказывать.

– Вы что?! Все сговорились?!

– Расслабься, он просто стертый.

– Стертый?!

– Ему стерли память, – пояснила Миллиндра. – Вообще ничего не оставили из прошлой жизни. Он даже имя свое не смог вспомнить. В списках только оно и написано, и еще буква «С» на табличке, что на груди. Наверное, сокращение от «стертый». И больше ничего. Мог бы и сам догадаться, будь у тебя мозги.

Все с интересом уставились на Троя, толстый здоровяк не отреагировал на выпад, и даже в отрешенном взгляде Айриции что-то прояснилось.

– Тогда извиняюсь, – с нетипичной для него неловкостью произнес Бвонг, добавив: – Лучше уж башку с плеч, чем такое. За что?

Трой покачал головой:

– В списках не написано, а сам я ничего не помню. Так что могу с чистой совестью называть себя самым честным из всех.

– Ага, конечно, так мы все и поверили, – осклабился Драмиррес. – Да, чтобы память стерли, ты должен был соблазнить прабабушек всех членов Конклава Четырех, а потом продать их некромантам для темных ритуалов. За меньшее стиранием не накажут. Жаль, что ты ничего не помнишь. По всему видать, что повеселился неплохо, такое интересно послушать.

– Это вам не сено воровать, Айлефу не понять, – поддакнул Бвонг.

Стрейкер неожиданно рассмеялся – громко, искренне, с шумными хлопками по коленкам – и, даваясь словами, произнес:

– Ой, не могу! Не могу! Клирики засунули сюда честного человека! – Чуть успокоившись, спросил: – Вы разве не поняли? Трой и правда честный. Ведь стертых не отправляют на каторгу, считается, что после стирания они становятся новыми людьми, максимум, что им грозит, – ссылка.

– То есть его не должны были сюда посылать? – уточнил Драмиррес.

– Конечно, не должны, ведь считается, что на юг отправляют самых отпетых. Вот только я украл несколько подсвечников, но почему-то здесь. Тоже еще, великий преступник. На отборе видел парня, на котором два доказанных трупа и четыре под сомнением, но он не попал в трюм. А я никого не резал, но почему-то сижу здесь. И Трой здесь, и мелкий Храннек. Понимаете? Церкви плевать на то, как сильно ты виноват. Они выбирают лучших из тех, кто есть, и гонят их на убой в Краймор. Там ведь всего несколько безопасных территорий, а на остальные нормальные люди не очень-то суются. Надо чем-то заполнять пустоту, вот они и заполняют – нами. Может, еще раз молитву повторите? Ну так без меня, могу рассмеяться, испорчу момент. Плевал я на все ваши молитвы.

– Есть церковники, а есть церковь, есть нормальные клирики, а есть грязь, – заявил Драмиррес. – Не надо все смешивать в кучу.

– Грязь? Да ничего вы не поняли – вся церковь грязь, раз у нее политика гробить таких, как мы. Выбирают не просто тех, которые редко перерождаются, а тех, кто не перегрызется из-за гнилого сухаря, кто согласен подставлять свою шкуру за их интересы.

– По-моему, мы уже начинаем грызться... – рассеянно заметила Миллиндра.

– Ты прочитала судовой журнал? – спросил Трой.

Та покачала головой:

– Его долго вели, там много записей, целого дня не хватит все прочитать. Первые вообще пропустила, в конце смотрю, самое главное там.

– Посмотри прямо сейчас, а мы сходим на камбуз за едой. Надеюсь, никто не откажется от солонины и сухарей?

– Видал и получше угощения, но не откажусь, – ответил Драмиррес.

– Вот и решено. Пожует немного, помянем парней и послушаем Миллиндру. Пора узнать, что же тут произошло и что нас ждет дальше. Так что не отвлекайся на начало и середину, читай последнее, там и правда должно быть самое важное.

Глава 5

Затянувшийся рейс

Солонина оказалась так себе. А сухари почти все развалились, мешок был набит трухой и жалкими огрызками крепких корок. Запивали все это противной на вкус водой, такую с трудом проглотить можно, в нее будто мыло добавили. При такой еде не до застольных разговоров, так что все помалкивали, поглядывая на Миллиндру. Но та, слегка поклевав, не спешила удовлетворять всеобщее любопытство. Отнекивалась и просила дать ей немного времени. Дескать, записи в журнале запутанные, почерк скверный, местами очень трудно его разобрать.

Трой, пользуясь случаем, спросил:

– Пока Миллиндра занята журналом, может, просветите меня немного? А то ведь я многое позабыл.

– С радостью, дружище, – ответил Драмиррес. – Ты только спроси, что тебе интереснее всего.

– Хорошо, пусть мы преступники. Но почему нас перевозят так странно – в ящиках. И почему мы в них не задохнулись, ведь там почти нет воздуха.

– Прежде чем заколотить крышку, нам дают алхимическую гадость, от которой тело как бы замораживается. Это выгодно, так можно перевозить кучу народа и при этом груз не надо ни кормить, ни поить. Набил полный трюм – и отправляй куда надо.

– У вас что, всех пассажиров так перевозят?! – поразился Трой.

– Вряд ли. Разве что самых нищих и таких, как мы. Кому какое дело до преступников? А то, что долгая заморозка может убить, тоже никого не волнует. Рассчитывают рейсы покороче, без лишнего риска, а там как получится. С нами, как видишь, не получилось.

– Почти все люди в ящиках или мертвы, или взбесились. Что произошло?

Драмиррес пожал плечами:

– Я уже всю голову поломал, но так и не понял. Может, Миллиндра расскажет. Получается, что нас почему-то слишком долго держали замороженными. Пропустили отведенный срок, а так делать нельзя, очень опасно, можешь не разморозиться.

– Из-за этого они так взбесились? Почему мы нормальные, а они такие?

– Ты задаешь слишком много вопросов.

– Ну так я не знаю ничего.

– Давай вернемся к самому началу.

– Давай.

– Памяти у тебя нет, но все, что не относится к тебе, ты помнишь. Или почти все. Все верно?

– Да.

– Это хорошо, потому что некоторых стирают так, что они не могут даже штаны расстегнуть без посторонней помощи. Мы осуждены церковными судами, нас специально отобрали из толпы преступников. Тебе что-нибудь говорит слово «рашмерь»?

– Совершенно ничего.

– Странно, ведь о них почти все знают. Ты должен был его слышать.

– У меня, понимаешь, с памятью не все в порядке...

– Но это знание не относится к тебе напрямую. Ты же знаешь многое о кораблях, так что должен был сохранить память и об этом.

– Но не сохранил.

– Ладно, понял. Тогда придется говорить много.

– Сколько надо, столько и буду слушать.

– Храннек, сбегай посмотри остальные двери, вдруг кто-то начал ломиться.

– Я тоже хочу послушать!

– Так ты быстро сбегай и много не пропустишь. Давай-давай, не медли!

– Так что там насчет рашмеров? – спросил Трой.

– Все мы выбраны в рашмеры. Ты, я, все шестьсот два пассажира в трюме. Нас выбирают из осужденных, по своей воле на такое мало кто рискнет пойти. И только церковники могут это делать, на них почти все суды завязаны. У них почти по всему миру монополия на отбор кандидатов из осужденных. Они отбирают тех, кому больше четырнадцати и меньше двадцати. Осматривают их, отбраковывают негодных. Но всех отбраковать не получается, всегда затесываются те, кто не может стать рашмером. Тем, кто прошел отбор, в кровь вливают пепельный яд.

– Пепельный яд?

– Ты и про пепел юга не знаешь?

– Нет.

– Ну ты даешь, об этом все знают.

– Кроме меня.

– Ребята, и как же ему тогда хоть что-то объяснить? До вечера придется языком молотить, а я в этом деле не мастак.

– Я бы такое послушал, – сказал Айлеф. – Я про пепел и южные страсти люблю слушать. В детстве мне много сказок про это рассказывали.

– И я бы послушал, – присоединился Бвонг. – Все равно делать нечего. Чем я хуже сенного вора, я тоже такие сказки слышал. Давай уже, рассказывай, не ломайся.

– Ладно, – сдался Драмйррес. – Но, Трой, это длинная история, если где-то что-то знаешь, сразу говори, буду ее сокращать.

– Хорошо.

И Драмйррес начал рассказывать. Начал он не с чего-нибудь, а с древнейшей истории мира. Одно это доказывало, что говорить придется долго. И что память Троя, по-видимому, повреждена куда серьезнее, чем считалось, раз он забыл то, что в той или иной мере знакомо каждому.

Когда-то, в незапамятные времена, мир имел форму шара с двумя высокими конусами на полюсах. То есть, если встать на экваторе и полететь высоко-высоко, после чего глянуть вниз, можно было увидеть что-то похожее на неровный ромб, посреди которого тянется выпуклый пояс горного хребта, разрезающего планету на две ровные половинки.

Срединный хребет сам по себе не из низких. Вершины его уходят на такие высоты, что даже перевалы невозможно преодолеть: человек там задыхается от нехватки воздуха, у него лопаются сосуды, легкие заполняются кровавой слизью. Но в сравнении с полярными исполинами он вообще не смотрелся. Они возникли из-за каких-то аномалий в поле силы тяжести планеты. Пытаясь прояснить этот момент, Драмйррес безнадежно запутался, выдав свое поверхностное знакомство с темой.

В те же стародавние времена случился катаклизм, едва не уничтоживший мир. Что там

произошло, как, когда – неизвестно или скрыто от несведущего народа. Могущественная цивилизация древности погибла так стремительно, что не успела подготовиться, не сохранила великие знания. Той, что со временем возникла на осколках мира, удалось сберечь лишь крупицы былого, практически все восстанавливали заново, лучшие умы юга занимались этим тысячелетиями и продолжают заниматься.

То, что изначально земли Краймора были лишь подножием Полярной горы, – как раз из сохранившихся крупиц старого знания. Потому что при катастрофе великая вершина погибла. От нее осталось лишь основание, жалкий обломок – горная система и прилегающая к ней относительно равнинная территория.

Катастрофа изуродовала Крайний Юг, досталось и суше, и воде. Побережье испещрило система узких извилистых фиордов-трещин, некоторые из которых разрезали сушу так далеко, что едва не доставали до полюса. Рельеф стал непредсказуемым, доходило до того, что идеально плоская равнина могла безо всякой прелюдии смениться карликовой горной системой. И карликовая вовсе не подразумевала незначительность, ведь ее вершины могли доставать до небес, утопая в вечных снегах, но вершин этих две, три и обчелся, а далее начинается все та же сглаженная низменность.

В морях Краймора не протолкнуться от неисчислимых островов, скал и мелей. Все это усугубляло и без того непростую ситуацию с сильными течениями, превращая навигацию на Крайнем Юге в изощренную пытку.

Великая гора погибла не бесследно, от нее кое-что сохранилось. Изломанные останки рассечены бездонными разломами, из которых круглый год поднимаются массы разогретого недрами воздуха. В таких районах можно уши до белых волдырей обморозить, а потом выбраться из снегов и, пройдя не более трех сотен шагов, скидывать меховую одежду из-за нестерпимой жары. Ну это если ты настолько бесшабашен, что вообще ничего не боишься.

Но таких не бывает, действующие разломы Крайнего Юга пугают абсолютно всех. Помимо горячего воздуха с сернистым запахом они могут извергать водный пар, а некоторые временами сочатся вязкой лавой. Но это все пустяки в сравнении с выбросами пепла. Разумеется, не тем, который сопровождает обычные вулканические извержения. Пепел юга, ядовитый пепел, пепельный яд – у этой гадости много названий. Загадочный продукт, порожденный какими-то неведомыми странностями планетных недр.

Не гибель горы, не землетрясения, раскачивающие всю известную твердь, не исполинские цунами погубили древнюю цивилизацию. Масштабные массы пепла, которые при катастрофе изверглись в атмосферу, медленно оседая, отравили все обитаемые земли. Лишь стена Срединного хребта сумела их остановить, хотя в этом не было никакой пользы, потому что на запретном севере, который за ней укрывался, нет ничего живого, там некого было травить.

Некоторые места пострадали сильнее, другим повезло чуть больше, и там сумели выжить люди. Им пришлось поколениями существовать в условиях повышенной концентрации ядовитого пепла. Кого-то он убивал быстро или медленно, кто-то приспособливался. Пепел мог отнять разум, но мог дать силу и выносливость или вознаградить твоего ребенка магическим даром. Без магии в те времена выжить было непросто, потому что развелось множество чудовищных порождений катастрофы.

Люди, животные и птицы менялись под действием пепельного яда, превращаясь иногда в полезных существ, а иногда в кровожадных чудовищ – против которых почти бессильно обычное оружие. Лишь искрящийся посох мага мог остановить особо опасных монстров, но

даже эти могучие люди в одиночку не всегда могли справиться с порождениями пепла. Им приходилось объединяться, заботиться о пополнении рядов, сообща раскрывать потерянные секреты магии, учить неофитов. Именно в те времена начали возникать прообразы современных магических Домов.

Со временем выбросы пепла уменьшились и сейчас представляют опасность лишь на Крайнем Юге и некоторых прилегающих к нему территориях. Только там люди до сих пор существуют в условиях постоянной угрозы, ведь до разломов рукой подать, и очередной порыв ветра может принести от них облако опаснейшего яда. В определенных пределах от него защищают магические амулеты и алхимические эликсиры, но при высоких концентрациях они бессильны или действуют недолго.

У отравленных три пути: умереть в муках, каким-то чудом выжить и при этом не измениться, выжить и стать чудовищами – рабами или слугами пепла. То есть существами, утратившими разум, злобными, кровожадными. Они очень быстры, у них невероятная сила, но при этом беспросветно глупы и способны существовать лишь в условиях повышенных концентраций пепельного яда. То есть на землях Крайнего Юга, причем не на всех.

Но есть и четвертый путь, – продолжал Драмиррес. – Вот только он доступен не для всех. Да и для них открыт лишь в определенном возрасте; если перерос его, забудь о таком пути. У церковников есть препарат на основе пепла, они вводят его тебе в кровь, и через какой-то срок ты или умрешь, или превратишься в слугу пепла. Но такое случается нечасто, ведь людей перед этим обследуют и тщательно отбирают. В основном такие, как мы, остаются нормальными. Ну как нормальными... мы все равно меняемся, становимся рашмерами. В переводе с древнего языка – людьми пепла. Рашмеры сохраняют разум и память, но становятся сильнее и быстрее, их, как и рабов пепла, иногда тоже называют пепельниками.

– Для рашмера это страшное оскорбление, – не отрываясь о судового журнала, произнесла Миллиндра.

– Ну, мне так говорили.

– Те, кто тебе это говорил, – глупцы.

Трой покачал головой:

– Ни за собой, ни за вами особой силы не замечал. И быстроты тоже. Эти, которые сидят в трюме, куда быстрее нас двигаются.

– Мы начинающие рашмеры, у нас еще все впереди, – произнесла Миллиндра, все так же не отрываясь от судового журнала.

– Верно, – кивнул Драмиррес. – Радуйтесь, нам крупно повезло. Мы пережили длинную заморозку, выбрались из ящиков, не превратились в рабов пепла. Это все равно как при игре в кости дюжину раз подряд выпадет шестерка. Удача на нашей стороне, так что начинайте рыдать от счастья.

– Ага, конечно, – буркнул Бвонг. – Почаще бы так везло, не устаю радоваться.

– А ты бы хотел бегать по трюму без штанов и орать, как страдающая от запора сова?

– Я бы хотел стоять на твердом берегу, а не болтаться посреди моря на брошенном командой корабле с полным трюмом пепельников и какими-то несмешными клоунами наверху.

– Пепельников не может быть слишком много, перерождаются далеко не все.

– На нас много и не потребуется.

– Это ты верно подметил, если вырвутся, тут станет жарковато. Мы хрен знает кто, а не

рашмеры, а они рабы пепла, они сразу все получают или почти все. Нас еще надо учить, мы должны хорошо питаться и жить на зараженных землях, иначе быстро умрем.

– То есть как? – не понял Трой.

– А очень просто. Рабы пепла не могут долго жить на нормальной земле, но нас это тоже касается. Если не попадем на зараженную территорию, начнем слабеть и умирать один за другим.

– То есть мы навсегда привязаны к Крайнему Югу?!

– Не совсем. Если доживем до взросления или, может, чуть дольше, зависимость пропадет. Но это не значит, что нас отпустят со службы. Кому понравится, если на север вернутся преступники, которые стали гораздо сильнее и быстрее, а еще их научили обращаться с оружием. На каждом из нас висит срок, и он большой. Так что мы попали надолго. Ну, это если сумеем добраться до земли. А я в этом не уверен. – Драмиррес выразительно уставился на ближайший обломок мачты.

– Даже с пеплом мы недолго проживем, – сказал Храннек.

– Верно, я совсем забыл, – кивнул Драмиррес. – Нам помимо пепла ввели еще один яд, особый. Если через полгода или около того не принять противоядие – умрешь. Противоядие есть только у церковников.

– Зачем им такие сложности? – не понял Трой.

– А сам не понял?

– Нет.

– Все просто – чтобы мы не разбежались по зараженным землям, где нас хрен найдешь.

Этим ядом нас контролируют.

– Ловко придумано.

– У церковников почти все ловко налажено.

– Миллиндра, ты узнала что-нибудь?

– Да, Трой, кое-что есть.

– И что?

– Я знаю, почему нас так долго держали в трюме. Все дело в стечении обстоятельств. Сперва штурману пришлось остаться на берегу, в последний момент выяснилось, что лошадь понесла коляску, на которой ехала его жена. Она разбилась, мужу пришлось срочно заниматься похоронами. Судовладелец успел подобрать замену, но все делалось в спешке, и амулет связи остался у старого штурмана. И еще не взяли свежие таблицы погоды, которые делают маги, и обновлять старые тоже не смогли без амулета связи. Плавание автономное, без захода в порты. Если сойти с маршрута, компания понесет убытки. Капитан ходил по Западной подкове не первый раз, знал, что в это время года погода там без сюрпризов, предсказуемая, ветер не меняется, вот и решил не обращать внимания на проблему, идти напрямую. Но случилось редкое событие – неожиданный ураган. Ветер понес барк на полосу рифов, они не могли убрать все паруса, корабль при этом становится неуправляемым и может разбиться. И хотя работала только часть парусов, усилившийся ветер сломал три передние мачты и повредил оставшуюся. На нее после этого нельзя давать нагрузку, да и все равно с одной задней мачтой управляться таким большим кораблем нельзя. Ураган отнес корабль далеко от берегов, менять курс он не мог, только плыть по течению. Вот поэтому нас и передержали в ящиках, срок заморозки вышел, пока болтались вдаль от берегов.

– На таком большом корабле должен быть маг, – заметил Драмиррес. – Кого-то должны были оставить присматривать за грузом.

– Был такой человек, но не полноценный маг, а перегоревший. Совсем слабенький. Его бы хватило определять зреющих рабов пепла, и он мог бы обновлять заморозку на небольшой срок, ему оставили для этого амулеты и зелья. Много от него не требовалось. Только этого человека смыло за борт в тот самый ураган.

– Кто-то все еще думает, что мы везучие? – улыбаясь, будто разжиревшая жаба, спросил Бвонг.

– Последние записи не все понятны. В команде начался разброд, кто-то взбунтовался, помощник капитана его убил. А потом капитан зачем-то притащил из трюма замороженного мальчика и держал его у себя в каюте. Только не спрашивайте зачем, ничего не объясняется, и это написано другим почерком. И еще тем же почерком написано, что капитан начал много пить. А потом мальчик переродился в раба пепла и напал на команду. Его убили, но он успел ранить троих, в том числе капитана. Часть команды взбунтовалась и отправилась в трюм убивать всех, кто там есть. Только в одном из ящиков оказался созревший раб пепла, они не смогли с ним сразу справиться, он убил двоих и одного очень сильно покалечил. После этого выжившие выбрались из трюма и закрыли все двери. Последняя запись сделана почерком, которого больше нигде нет. Она короткая: «Я, сэра Транниллерс, оставаясь верным рыцарем Церкви Святого Круга, пребываю на корабле, где перевозятся шестьсот два будущих рашмера. Мы попали в ураган, мачты сломаны, груз переморожен, некоторые отравленные начали перерождаться. Струсившая команда оставила судно, забрав все шлюпки, но этот путь не для меня. По мере сил буду помогать спасаться тем, кто пережил слишком долгую заморозку. Простите, дети, что не смог сделать для вас больше. Святой Круг, помоги мне уследить за всеми тремя выходами одновременно. Времени больше нет, восстают и те и другие, а в ящиках почти нет воздуха. Я спускаюсь».

– Это точно все? – уточнил Трой.

– Да. Последняя запись.

– Наверное, писал тот самый однорукий, – предположил Драмиррес. – Если бы не он, мы бы сейчас не разговаривали.

– Мог бы нас и не спасать, что толку? – буркнул Бвонг. – Так и так нам конец, без него бы уже отмучались.

– Да ты вечно всем недоволен! Вот что за человек!

– А чему здесь радоваться?! Матросы не такие уж глупые, раз они сбежали отсюда, значит, на этом корабле делать нечего! Так что бегом захлопнул пасть!

– Бвонг! – прикрикнул Трой и постучал пальцем по рукояти меча. – Довольно уже, ссоры нам ни к чему, да и глупо так себя вести. Ни Драмиррес, ни кто-то другой из нас не виноват в том, что с нами случилось. Так что давай без ругани и других глупостей. Вместе попали и вместе выбираться будем.

– И как же мы выберемся?! – с яростной ноткой в голосе спросил Бвонг.

За Троя ответил Драмиррес:

– Он знает многое про море. Он даже знает, что такое шлюпки, а я не знал.

– Что такое шлюпки, даже я знаю. Тоже мне еще, великий умник выискался.

– А что такое судовой журнал, ты знаешь? Думаю, что на это у тебя ума точно не хватает.

А Трой знает даже о журнале, он его искал и нашел.

– Ну если он такой грамотный, то я послушаю. Давайте, говорите, каким способом мы спасемся. Только не забудьте перед этим поглядеть по сторонам: куда ни глянь – море, земли нет вообще, мачт у нас не осталось, несет непонятно куда, команда успела почти все

сожрать, оставив только труху от сухарей и залежалую солонину. Воды тоже мало, и она затхлая. Так что ты на это скажешь, Трой? Нам крупно повезло, или наши дела пахивают тухлятиной?

– Я скажу, что надо начинать справляться с проблемами по порядку.

– Ты бы для начала в голове своей порядок навел, ведь ничего не знаешь, тебе все надо рассказывать.

– Зато я быстро учусь и не закатываю истерики, как некоторые.

– Это ты о ком сказал?

– А ты сам подумай, догадаться не так уж сложно. Итак, начнем по порядку. Наш корабль без парусов, но он не стоит на месте, он дрейфует.

– Как это? Что такое «дрейфует»? – спросил Храннек.

– Вода не стоит на месте, в ней как бы дуют свои ветра, их называют «течения». Если корабль или какой-то предмет движется в струе морского течения, это называется дрейфом.

– Трой знает даже такие слова, как «дрейф»; если нас кто-нибудь сможет отсюда вытащить, так это он, – убежденно заявил Драмиррес.

– Ну-ну... – чуть сбавил тон Бвонг, видимо, знакомство Троя с таким сложным термином, как «дрейф», тоже оказало на него немаленькое впечатление.

– Здесь есть карты, по ним можно определить, в какую именно сторону нас сейчас несет. Дело в том, что течения будто реки, направления у них сохраняются долгими периодами.

– Тоже мне еще, величайшее открытие, я и без карт могу сказать, куда нас несет, – насмешливо произнесла Миллиндра.

Все, как по команде, обернулись на девушку, Бвонг при этом покачал головой:

– Да у нас тут умник за умником, я начинаю чувствовать себя не в своей тарелке.

– И куда же? – спросил Трой.

– Кто-нибудь знает, почему на Крайнем Юге так тепло? Ведь все должно быть засыпано снегом и покрыто льдом, но это не так.

– Тебя вообще-то не об этом спросили, – заметил Драмиррес.

– А вы иначе не поймете. То есть поймете не все. У вас знаний не хватает, на свалке такому не научишься.

– Да что ты говоришь? Я вообще-то целых четыре года в школе учился.

– Не верится, что учился хорошо.

– Миллиндра, ты задавака.

– Мне это уже говорили. Ладно, скажу коротко – нас несет кратчайшей дорогой кое-куда. Могу даже показать на карте.

– Почему ты решила, что нас несет именно туда, куда хочешь показать? – поинтересовался Трой.

– Это долгий рассказ.

– Мы уже слушали рассказ Драмирреса, теперь и твой послушаем. От этого зависит наша жизнь, так что давай, не молчи.

– Хорошо. Я начну с океанов. Расскажу о них кое-что. И о морях Краймора немного. Все очень просто, вы потом сами поймете, куда нас несет. Может, точно определить не получится, но сильно ошибиться невозможно – у океанской воды всего одна дорога.

Миллиндра начала свой рассказ с объяснения, почему на землях Краймора царит аномальное тепло. Ведь, несмотря на то что речь идет о самой южной местности мира, там

вовсе не свирепствуют круглогодичные морозы. Доходит до того, что местами можно годами снег не увидеть. Это если речь идет о прикрытых горами районах, близких к некоторым побережьям.

Тут все дело в океане. И вовсе не в том, который называется Краймор. Картографы и географы до сих пор не могут определиться, достоин ли он столь великого статуса. Ведь, по сути, представляет собой всего лишь систему более-менее четко обособленных друг от дружки крупных морей, заливов и фиордов. Обширнейшие открытые пространства, свойственные общепризнанным океанам, отсутствуют, большие глубины – редкость. Все эти водоемы кольцом окружают громадный массив приполярной суши, и ученые мужи тоже непрестанно спорят над термином, которым его можно называть, – материк или огромный остров.

Сообщающиеся с морями Краймора Западная и Восточная подковы – те самые общепризнанные океаны, с этим не поспоришь. Они вытягиваются широкими линиями вдоль меридианов от далекой северной горной цепи, которая тянется по экватору, и почти до Южного полюса. Их воды делят полушарие на две равные половинки и не могут достать до макушки планеты лишь потому, что натыкаются на преграду – Крайморские земли. Тот самый спорный материк или остров. Обычно его сокращают до просто Краймор, то есть и сушу, и омывающую ее систему морей в повседневном обиходе называют одинаково, что нередко становится причиной путаницы.

И какое отношение океан имеет к тому, что на большей части Крайнего Юга властвует ненормальное для высоких широт тепло?

Самое прямое.

Дело в том, что Западная и Восточная подковы не останавливались на экваторе. Их воды проточили в цепи неприступных гор узкие проходы, гиблые для кораблей. Никто не проверял, что располагается там, за Срединным хребтом, но повсеместно считалось, что ничего хорошего. И вообще не может быть жизни: убивающий огонь, абсолютная пустота, сама смерть. Мгновенная гибель ждет каждого, кто окажется на другой стороне планеты.

Вода, разгоняемая приливами быстрой луны – Ярри, врезалась в проход, где заканчивалась Восточная подкова, далее, рокоча на рифах и отмелях, протискивалась на другую сторону мира, пустую и безжизненную, где, по общепринятым представлениям, царила нестерпимая жара. Из-за нее воды сильно разогревались и по неведомой системе северных путей добирались до другого прохода в Срединном хребте, где, так же разогнавшись на скалистом мелководье, напивали исток Западной подковы. Скорость течения такова, что эти воды не успевают толком охладиться по пути на Крайний Юг. В приполярный кусок замороженного масла вонзался жар непостижимого севера, превращая Краймор из просто опасного для навигации места в самый страшный кошмар для мореходов.

Край коварнейших течений, несущих на скалы, царство исполинских водоворотов, обитель вечных туманов на границах аномально теплых побережий или даже в открытом море.

На этом приключения океанических вод не заканчивались. Холодные полярные воздушные массы сталкивались с жаром, принесенным с таинственного и ужасного севера, и постепенно отбирали его тепло. По сложной системе сообщающихся морей, по проливам и проходным фиордам воды огибали Крайморские земли и, охладившись по пути, вливались в исток Восточной подковы. В ней они вновь разгонялись вслед за той же хитро движущейся Ярри, вновь добирались до прохода в Срединном хребте, скрывались на другой стороне, и все

повторялось по новой.

Этот нескончаемый круговорот непрерывно подогревал Краймор, чем и объяснялся его аномально теплый климат. И приятно прохладный климат близких к экватору побережий Восточной подковы царил там тоже благодаря этому нескончаемому течению.

Аномалия аномалией, а пальмы на землях Краймора все равно не растут. Лишь местами в тех районах, куда тепло Западной подковы приходит в первую очередь, еще не ослабленным, темнеет обширная тайга из высоких сосен, елей и кедров. Лиственные деревья попадают куда реже и серьезные заросли образуют нечасто. Разнообразие их тоже невелико, большей частью береза. Она выживает даже там, где хвойные чувствуют себя неуютно, – в лесотундре и в тундре. Но в ней представлена почти исключительно карликовой формой.

Разве что на крайних оконечностях Крайморских земель и некоторых островах можно столкнуться с чуть большим богатством флоры. Все из-за тех же причудливых течений – где-то они подогревают сушу сильнее, где-то меньше. А где-то изломанный рельеф помогает – защищает от ледяных южных ветров.

Рассказ Миллиндры показался Трою непомерно затянутым. Вот зачем выслушивать про сосны на далеких берегах и о том, что в сутках пешего пути от полярных ледников можно заготавливать лесные орехи и загорать на мягкой травке?

А потом до него дошло – она просто ждала, когда же кто-нибудь догадается и ответит на тот вопрос, с которого все начиналось.

Откровенно говоря, отвечать не хотелось, хотя Трой уже все понял. Просто Миллиндра умела рассказывать: без пауз, запинок, «мэканья-бэканья». У нее талант рассказчицы, ведь не каждый сможет подавать не самую интересную географию так, что даже вечно всем недовольный Бвонг сидит, не шелохнувшись и не попытавшись хотя бы раз перебить.

Трой, вздохнув, поднял руку. Миллиндра замолкла, посмотрела недоуменно:

– Зачем ты поднял руку?

– То есть как это зачем? Ответить хочу.

– Так сказать надо, зачем руки тянуть?

– А разве так нельзя? Я думал, что все поднимают руки, когда не хотят перебить рассказчика.

– Не знаю, откуда ты это взял, но руки для такого тянуть не надо. Ну, говори давай. Что ответить хотел?

– Ты сказала, что мы находимся в океане Западная подкова.

– Да, так было написано в судовом журнале.

– Значит, нас несет на Крайний Юг. Течение ведь движется в одну сторону, по кругу, а мы движемся вместе с течением.

– Это что, вода нас тащит в сторону Краймора? – нахмурился Драмиррес.

– Да, – кивнула Миллиндра. – Трой ответил правильно: у воды в океанах одна дорога.

– Я слышал, что все, кто ходит к берегам Крайморских земель, седеют до корней волос в первом плавании. Гиблое место.

Миллиндра опять кивнула:

– Да, хуже места не придумаешь. Течения сильные, водовороты в проливах, рифы и скалы, прячущиеся в густом тумане. Об этом даже написано в судовом журнале, да я и без него знала. Очень опасные моря.

– Теперь мы знаем, куда нас несет – строго на юг, – сказал Трой.

– Это даже хорошо, – заметил Драмиррес. – Мы не рабы пепла, но все равно без пепла не проживем. А где его много? Только на юге. Плохо другое: ведь мы можем утонуть раньше, чем нас прибьет к земле. Или пронесет мимо нее, в Восточную подкову, а потом на север, через Срединный хребет. И там нам точно хана. Корабль неуправляем, мы ничего не сможем с этим поделать.

– Мы и правда можем утонуть, – поддержала Миллиндра. – В журнале написано, что после урагана открылась течь. Даже груз из носа переместили к корме, чтобы нос немного задрался кверху. Но когда волны высокие, все равно появляется вода. Ее откачивали трюмными помпами. Мы сможем это сделать?

Все уставились на Троя, а тот в ответ пожал плечами:

– Не уверен. Для этого, скорее всего, придется спуститься в трюм.

– То-то пепельники обрадуются гостям, – буркнул Бвонг. – Может, прямо сейчас мы тонем и сами это не знаем. Сгинем все, команда не просто так удрала.

– Море спокойное, и вроде бы корабль не погружается, – заметил Храннек.

– Это может быстро измениться, – сказал Трой. – Значит, так, мы пока что не можем изменить курс судна и не знаем точно, где находимся. Я это попытаюсь выяснить, в каюте есть карта, на ней какие-то отметки. Не было времени их рассматривать, но сейчас попробую разобраться. Миллиндра мне поможет, она грамотная. А вы следите за выходами, для этого надо три человека. Остальные трое пусть осмотрят запасы на камбузе, поищите их везде. Нам нужно точно знать, сколько осталось еды и воды.

– Чего это ты раскомандовался?! – вскинулся Бвонг.

– А что не так? Или ты хочешь командовать сам? Ну так вперед, мне все равно, кто будет отдавать правильные приказы.

– Да зачем оно мне надо!

– В таком случае сейчас команду я. Если будем шататься по кораблю без всякой цели и болтать тут часами, скоро съедим все запасы и умрем. Или погибнем в водах Краймора. Или нас доконает отсутствие пепла. Хотите выжить – нам надо добиваться этого вместе. Восемь человек – куда больше, чем один.

Глава 6

Девятый

Карта была большой, на весь стол. Левая часть листа выкрашена в синий цвет, там почти не было надписей и каких-либо отметок. На правой все иначе: синь океанских вод окружала вытянутый с севера на юг архипелаг, где цепочка островов тянулась вниз, к исполинскому массиву приполярной суши.

Трой провел пальцем по бумаге:

– Китовый архипелаг. И остров Кашалотов. Какой здоровый, на материк похожий. Смотри, Миллиндра, эта линия протягивается вдоль него, я думаю, что это наш курс. Карандашом наносили, чтобы стереть потом.

Девушка кивнула:

– Да, видно, что такие линии уже были до этого, но их потом стирали.

– Последний отрезок пути нанесен напротив северной оконечности острова Кашалотов. Думаю, команда отправилась именно туда. Даже с учетом течения добраться до него легко, вряд ли успеет пронести мимо. Надо просто грести на восток.

– Если не справятся с течением, окажутся в водах Краймора, вон где они начинаются. – Миллиндра ткнула пальцем в бумагу. – С востока оконечность острова Кашалотов, с запада видно очень неровный кусочек земли, написано, что это остров Западного Спрута.

– Если эту линию продолжать дальше, то она уйдет в воды Краймора. То есть нас и правда несет куда-то сюда. Здесь и слева, и справа кучи отметок рифов, опасные места. Да и напротив везде какие-то отметки, с этим Краймором все неладно.

– Ну я так и говорила. Великая гора погибла, окрестным землям тоже досталось сильно. Это развалины старого мира, обломки того, что было раньше.

– Эти острова отравлены пеплом?

Миллиндра пожала плечами:

– Чем дальше на юг, тем больше пепла, такой закон. Но точно я знать не могу. Не знаю, сможем ли мы здесь выжить. О размерах вообще почти ничего не известно, церковники не одобряют разговоры о людях пепла и запрещают любые упоминания о них в книгах. Кое-что мне рассказывали знающие люди, но этого слишком мало.

– Сколько такие, как мы, могут продержаться на незараженных местах?

– Когда нам впрыскивали в кровь эту гадость, говорили, что крайний срок – тридцать шесть дней. Но в заморозке все сильно растягивается, потому теперь не понять, сколько нам осталось.

– Что за бред возить людей замороженными?!

– Это практично. Не надо тратить еду и воду, не нужна охрана, там, где можно разместить сто бодрствующих, поместится впятеро больше замороженных.

– Причем не все из них проснутся.

– Один-два из тысячи, а при хорошем целителе и постоянном контроле можно вообще без жертв обойтись. Даже самый быстрый корабль тратит несколько месяцев на плавание от экватора до Краймора. Представь, сколько еды уйдет на пассажиров при таких сроках. К тому же мы преступники, нас не очень-то жалко.

– Мы какие-то странные преступники.

– Почему?

– Не передрались до сих пор, если не считать одну стычку, не рычим друг на друга, тебя и Айрицию никто не попытался обидеть. Кроме Бвонга.

– Вообще-то он не обижал. Просто надулся как индюк, пытался из себя третью великую гору строить, и ему не понравилось, когда Айриция его на смех подняла.

– Тем более странно. Не похоже на поведение кучки опасных преступников.

– Церковники, когда нас выбирали, для начала разговаривали с каждым. У них набор вопросов, и еще при этом маг сидел, следил, чтобы не ввали. На Крайнем Юге не нужны отъявленные преступники, таких после беседы отбраковывали.

– То есть мы не первые попавшиеся?

– Ага. Сперва выбирали тех, у кого минимальные шансы переродиться в раба пепла. Затем с такими беседовали и отбирали тех, кто сможет уживаться с другими людьми и приносить пользу церкви. Хотя и у нас без драки не обошлось.

– Бвонг напуган. И еще больше боится это показывать. Вот и ведет себя как последний урод.

– Мне тоже так показалось.

– Получается, мы не знаем, сколько сможем продержаться без пепельного яда. Его можно раздобыть на корабле?

– Ты с ума сошел?! Да кто такое возить будет?!

– Ну, может, что-то вроде той гадости, которую в кровь вливали. Хоть что-нибудь.

– Вряд ли. Никогда не слышала о таком. Пепельный яд запрещено держать дома, перевозить и продавать. Монополия церкви. Она удачно применила его век назад, когда шла война с темными. Но последствия были настолько ужасны, что множество невинных пострадало, с тех пор запрет строгий. Да и кто будет к такому прикасаться по своей воле? Вдохнешь одну частичку и заснешь, а проснешься рабом пепла.

– Ладно, раз мы не знаем, сколько нам осталось, о пепле не будем думать вообще.

– Ага. Тем более корабль плывет сам по себе, мы не можем направить его к зараженным землям. Или ты знаешь способ изменить курс?

– У нас осталась одна мачта.

– В журнале написано, что она треснула, сильно повреждена, не упала чудом. Но даже без этого они бы не смогли управлять кораблем с ее помощью.

– Да, это трудно. Будь она впереди или хотя бы по центру – другое дело. Надо думать, пока что ничего реального в голову не пришло. Хотя кое-что уже придумал: мы можем увеличить скорость корабля.

– Как?

– Я проверял нос, есть возможность поставить блинд.

– Блинд?

– Парус под бушпритом. Он совсем крошечный, но это уже кое-что, у нас появится возможность идти на полных курсах. Я смотрел с кормы, похоже, перо руля стоит как надо, нас не будет разворачивать при движении по ветру. И на обломке фок-мачты тоже можно поставить парус. Там особо не разгуляешься, но простой спинакер приспособить можно^[7].

– Ты сможешь это сделать?

– Придется резать парусину, готовых парусов под такое нет. Блинда у них тоже не осталось, но соорудить его несложно. Странно, что они сами это не сделали, ведь очевидное решение. Складывается впечатление, что капитан не хотел торопиться.

– Если у тебя это получится, мы сможем развернуться к берегу?

– Вряд ли.

– Почему?

– Я смотрел на компас и на ветер, дует он почти ровно с севера. Если поставить такие паруса, корабль пойдет быстрее в направлении Краймора, только и всего. Есть руль, но он управляется из трюма, сверху только команды подадут, к тому же с таким набором парусов руль не очень-то поможет.

– А по-другому развернуться нельзя?

– Да будь тут полный набор парусов при целых мачтах, еще можно что-то придумать даже без руля, а с такими мы полностью зависим от направления ветра. Он всегда с юга дует вместе с течением?

– Не знаю, но в судовом журнале все последние дни писали, что он с юга, иногда с юго-востока.

– Юго-восток – еще хуже, такой ветер нас относит на запад от острова Кашалота. Не знаю, есть ли на нем пепел, но люди точно есть. На карте обозначено несколько поселений. Правда, почти все они на севере, нас, наверное, уже пронесло мимо них.

Дверь резко распахнулась, влетел Храннек, с ходу затараторил:

– Парус! Трой, там парус! Я увидел парус!

Переглянувшись с Миллиндрой, Трой скомандовал:

– Бегом на палубу. И не кричи на весь корабль, иначе выходы из трюма опять останутся без присмотра.

* * *

Паруса не было. Как Трой ни вглядывался в горизонт, не разглядел ничего нового.

Храннек чуть не плакал:

– Был парус! Честное слово был! Не вру я! Вон, где облачко темное, где-то там. Мне показалось, что оно с него поднималось. Подумал даже, что на нем начался пожар. Вы мне не верите?

– Если это китобойное судно, то запросто, – ответил Трой. – Там часто сильный огонь поддерживают, копоти много.

– Может, они нас заметили?

– Не знаю. Если и так, какое до нас дело китобоям? У них свои дела, у нас свои.

– Разве моряки не помогают другим морякам?

– Должны помогать, но с такого расстояния попробуй пойми, что мы в беде. Да и вряд ли увидели, без парусов нас трудно заметить.

– Если появится другой корабль, нас опять не увидят?

– Все зависит от расстояния и нашего поведения.

– Поведения?

– Ты был на камбузе? Там есть большой котел или сковорода?

– Котлы видел, сковороду – нет. Но там вместо нее противень, он большущий.

– Можно набить полный котел деревяшек и обрывков канатов, зажечь и кидать куски смолы. Дым хорошо видно издали.

– А где смолу брать?

- В кладовке плотника немного лежит. Может, еще где-нибудь есть. Надо поискать по всем закоулкам.
 - Я поищу.
 - Кто-нибудь еще корабль видел?
 - Нет, я сразу к тебе побежал.
 - Правильно сделал, не надо народ лишний раз будоражить.
- Со стороны камбуза показался Драмиррес, вид у смуглолицего был хмурый.
- Трой, у нас новые неприятности.
 - Что опять не так?
 - Проблема с припасами.
 - Мало еды?
 - Еды и правда мало, но и нас всего восемь, хватит пару недель продержаться, а может, и больше.
 - В кают-компании есть личные запасы капитана. Там даже засахаренные фрукты и орехи в меду.
 - Ух ты! – обрадовался Храннек.
 - Их немного, но ты прав, нас тоже мало, так что прибавь еще несколько дней.
 - Еда – ерунда, – отмахнулся Драмиррес. – С водой беда, всего одна бочка, да и та гадкая. И в ней меньше половины осталось.
 - У капитана нашли вино, будем его добавлять понемногу, чтобы не заболеть от дурной воды.
 - Только вино от Стрейкера прячь, он уже интересовался. Хотя какой смысл прятать, все равно умрем от жажды, причем скоро.
 - Миллиндра, ты ведь читала судовой журнал, в нем были записи о дождях?
 - Да, были.
 - Часто?
 - Да. Могу точно сказать, там по ним отдельно указывали.
 - Палуба не выглядит пересохшей, и облака эти налиты влагой. Нам нужен всего один дождь.
 - Дождевыми каплями не напиться, – возразил Драмиррес.
 - Напьемся, если поступим по-умному.
 - Это как?
 - Надо расстлать парусину, а потом сливать с нее воду.
 - Здорово придумал, парусины тут полно.
 - Займемся этим прямо сейчас. А ты, Храннек, поищи пустые бочки и бочонки. Надо держать их наготове. Один хороший дождь, и мы обеспечим себя на несколько дней.

* * *

За немудреными хлопотами быстро пролетел остаток дня. Возились с парусиной, подготавливая ее для улавливания дождевой влаги, и размечали линии под нарезку будущих парусов. Обыскали все доступные закоулки корабля, собрав все, что может пригодиться, или запомнив, где оно лежит. Не так много работы, но все было при деле, а это освобождает голову от пустых и дурных мыслей. Даже Бвонг присмирел, планомерные действия Троя и

остальных подарили надежду на будущее.

Выжившие пока не представляли, каким образом можно выпутаться из столь безнадежной ситуации. Но, кроме Троя и частично Миллиндры, никто не знал, что все настолько плохо. Так уж сложилось, что шестеро вообще не знакомы с морем и имеют весьма поверхностное представление о географии юга. Все в основном держится на Трое, но с ним тоже много неясностей.

И самая главная – ни он, ни кто-либо другой не мог сказать, откуда у него эти познания. В них слишком много необъяснимого. К примеру, рассказы Миллиндры о причудливом водовороте двух океанов и Краймора стали для него новинкой: он об этом или не знал вообще, или всплывали весьма смутные и противоречивые воспоминания. А все, что не касалось морей, вообще не вызывало реакции.

Либо он никогда не знал о таком, либо память об этом стерли.

В общем, уцелевшие надеялись на Троя, а он не снимал с лица маску уверенного в себе человека, но в душе царило смятение. Сколько ни пересчитывай сухари и ни крои парусину, ты ни на шаг не станешь ближе к земле. Как развернуть к спасительному берегу огромный корабль – непонятно. И, скорее всего, невозможно. Ветер так и продолжает задуть в корму, такое впечатление, что здесь он не знает других направлений.

Тогда как парусники возвращаются на север? Непонятно. Можно, конечно, ходить против ветра, но это актуально для коротких отрезков, продолжительное плавание при таком маневрировании затянется до бесконечности.

Рабы пепла более не предпринимали попыток вырваться из трюма. Самые неугомонные присмирели после неоднократного знакомства с остриями длинных гвоздей, к тому же двери более не открывались, не раздражали тварей в человеческом облике. Но все равно приходилось держать три поста, вдруг где-то начнут ломиться всей толпой. Устраивать схватку на палубе не хотелось, для понимания всей бесперспективности массового сражения с рабами пепла вполне хватило одной стычки.

* * *

Темнело. Небесное светило скрылось за горизонтом, так ни разу и не показавшись из-за туч. Трой, собрав всех на площадке перед второй трюмной лестницей, заявил:

– Храннек, Стрейкер и Айриция дежурят у дверей первую половину ночи. Драмиррес – старший над ними, он должен проверять, чтобы никто не уснул на посту. Когда выйдет время, разбудят остальных, и мы уже будем дежурить до рассвета.

– А можно мне в первую половину ночи? – спросил Бвонг. – Я поспать утром люблю.

– Вот утром и поспишь, сразу после рассвета. Они нас сменят, и отсыпайся хоть до самого обеда.

– А откуда Драмиррес узнает, что подошло время нас будить?

– У него будут песочные часы.

– А почему Драмиррес у них старший?

– Потому что лучшей кандидатуры я пока что не вижу. Первая вахта остается, остальные – в кубрик. Драмиррес, если что, сразу буди нас. Никому не раздеваться, оружие держать под рукой.

Как Трой понял, в ночное время рабы пепла становятся куда активнее, чем днем, и это

может грозить новыми проблемами. Выходы из трюма вроде бы закрыты на совесть, но корабль большой, никто не знает, так ли уж крепки переборки в разных местах. Вдруг пепельники найдут новую лазейку? Хватит нескольких тварей, чтобы разделаться со всеми, ведь выжило всего восемь человек, и не все из них смогут оказать достойный отпор.

Вот завтра он и займется тем, что по возможности исследует каждый закуток. Глядишь, и найдет потенциальную брешь в обороне раньше, чем о ней пронюхают пепельники.

* * *

Трой поежился. Ночь сырая, и ветер усилился. Донимает даже через наброшенную на плечи войлочную накидку, прихваченную из кубрика. Но это к лучшему, помогает не заснуть. Глаза сами собой слипаются, смертельно хочется спуститься в кубрик, завалиться на койку и вырубиться в тот же миг. Но нельзя позволять себе даже малейшую слабость, он сейчас старший и не должен подавать дурной пример Миллиндре, Айлефу и Бвонгу.

Ночь тянется бесконечно. Да когда же она уже закончится, нет сил бороться с сонливостью.

На последних шагах начал топтать чуть громче. Смалодушничал. Не хотел застать Миллиндру задремавшей. Айлеф и Бвонг – куда ни шло, с парнями все легко, а вот ей непросто выговор устраивать. У него к ней особое отношение, как-никак вытащил из трюма, к тому же девчонка, красивая и не глупая. Ей бы еще нездоровую бледноту с лица убрать, и вообще картинка. Драмйррес говорил, что это, наоборот, ценная черта внешности, но Трою такое не по душе.

– Трой? Ты?

Не дремлет или успела сделать вид, что ничего такого не было. Присел рядом, тихо спросил:

– Все спокойно?

– Пару раз вроде ухали внизу. Но, наверное, показалось. Совсем тихонечко, еле-еле слышно. А как у остальных?

– Все спокойно.

– Трой, я тут подумала... Ты умеешь плавать?

– Не знаю.

– Как это? А... ну да, ты можешь и не знать.

– Так о чем ты подумала?

– Забудь.

– Скажи, это может быть важным.

– Я думала о том, что мы будем делать, если увидим землю. Кораблем нельзя управлять, нас может понести мимо, и ничего против этого не сделаем.

– Хотела предложить вплавь?

– Если все умеют плавать, то можно.

– А ты умеешь?

– Плохо, далеко не проплыву. Но можно сбить несколько досок и держаться за них.

– На досках быстро не поплаваешь, они тормозить будут. К тому же я днем видел крупную акулу, она плыла за кораблем.

– Акулу?! И не сказал ничего?!

– А что тут говорить? Просто большая акула.

– Я никогда акул не видела. Интересно!

– Если появится опять, покажу.

– Я что-то передумала плавать.

– Акулы не такие уж опасные.

– Нет, я в воду ни за что не полезу.

– Не уверен, что все остальные умеют плавать. Как я заметил, лучше нас с тобой никто не знает море. Ты жила возле него?

– Далеко, на севере, почти под Срединным хребтом. Но там не океан, как здесь, там моря. Они тянутся перед горами Срединного хребта. Очень теплые, почти все дни солнечные, постоянного сумрака, как здесь, не бывает.

– Ходила на кораблях?

– На совсем мелких. Да и сама тогда мелкой была, мало что запомнила. Но я хорошее образование получила, да и читать люблю, поэтому знаю много.

– А у меня почему-то с чтением проблемы. Читаю, но буквы будто чужие. И при этом точно знаю, что обучен читать, трудностей быть не должно.

– Твою память искалечили, может, все из-за этого.

– Может, и так.

– Говорят, в морях Краймора водятся такие киты, которые могут разломать парусник в щепки. И чудовища есть.

– Нам и без чудовищ хватает разных ужасов.

– Если ты не придумаешь, что делать, когда встретится земля, никто не придумает. Я вот думаю-думаю и ничего, кроме как плыть, держась за доску, не придумала.

– Если нас так и будет нести по той линии, суша встретится нескоро. И, скорее всего, это будет остров, а не сами земли Краймора.

– На островах тоже должно быть пепельное заражение. Нам бы хоть какую-нибудь сушу, а там уже разбираться будем.

Во мраке послышались тяжелые шаги. Трой насторожился, взялся за рукоять меча.

Послышался недовольный голос Бвонга:

– Эй, Трой, не спишь? Я слышал, как ты болтаешь с Веснушкой. Небось лапаешь ее вовсю, руки в тепле, а я тут вот-вот околею.

– Жир не замерзает, не околеешь, – мгновенно ответила Миллиндра.

– Ты пришел на горькую жизнь пожаловаться? – добавил Трой. – А кто будет носовые двери сторожить? Пепельники?

– Чего сразу наезжаешь? Я вообще-то по делу пришел.

– Так и говори по делу, а не про руки в тепле.

– Там что-то непонятное, тебе надо посмотреть. То есть послушать.

– Что случилось?

– А я почему знаю? Говорю же – странное что-то.

– Ладно, пошли.

* * *

На первый взгляд ничего странного не происходило. Впрочем, небо затянуто облаками,

свет от звезд и обеих лун почти не пробивается, темно так, что можно не заметить много чего.

Бвонг присел перед дверью, хрипло прошептал:

– Слушай.

Костяшками пальцев два раза легонько стукнул по дереву. Почти сразу с другой стороны послышались два ответных стука. Бвонг опять заработал кулаком, на этот раз трижды. И повторили тоже трижды.

– Видал? Я тут сижу и понять не могу, чего это кто-то так тихо постукивает. Со скуки начал в ответ долбить, и тот все повторяет один в один. И сам по себе больше не стучит, ждет, когда я начну.

– Ломиться не пробовали?

– Нет. Это что, пепельные так дразнятся?

– Как я понимаю, они слишком тупые, чтобы дразниться. К тому же свежие, еще не воши в силу. То есть куда тупее, чем обычно.

– Чтобы повторять удары, много ума не надо.

Трой прижался губами к щели меж досками, не тихо, но и не сильно громко произнес:

– Если меня слышно, стукните три раза.

Оба замерли, прислушались к ответу. Послышалось ровно три стука, как и запрашивали.

– Это человек, – уверенно заявил Трой. – Рабы пепла не понимают наш язык.

– А почему он еще жив? Как смог просидеть там целый день?

– Не знаю. Может, скрывался в темноте за ящиками и потом ухитрился сюда пробраться.

Понял, что кто-то закрыл дверь снаружи, и начал подавать сигналы. Тихо стучит, боится, что пепельники услышат.

– Не хотел бы я оказаться на его месте. Хуже не придумаешь: один, среди кучи пепельников и покойников, а дверь заколотили так, что за день не открыть.

– Ну, допустим, не за день. Инструмента хватает, быстро справимся.

– Ага, справимся, как же. Представляешь, сколько этих уродов примчится на такой шум?

Трой, ты нас всех убьешь.

– Мы их отвлечем.

– Чем? Закинем им Айлефа? Он большой и с мягким жирком, им точно понравится, отличная идея.

– Тогда лучше тебя, ты еще больше и жирнее.

Бвонг хохотнул:

– Ну это да, только я полезнее, если дело до драки дойдет. Тут всего три бойца – ты, я да копченый северянин. Остальные пепельникам на один укус.

– Айлеф одним ударом убил человека.

– Ага. Только я уверен, что этот человек двигался куда медленнее пепельника. Айлеф тот еще тормоз, ему только безногих черепах пасти.

– Устроим шум у вторых и третьих дверей. Можно стучать по ним и по палубе со всей дури, на такое должны сбежаться все пепельники. А сами под шумок выдернем приколотенные доски, вытащим этого парня и заделаем все обратно.

– А если оттуда вырвется кто-то, кроме этого парня, что будем делать?

– Убивать его, что же еще.

– А если вырвется дюжина? Тоже будем их убивать?

– Ты предлагаешь оставить его там?

– Я ничего не предлагаю. Ты же у нас командуешь, я в твои дела не лезу. Просто, если напортачишь, погубишь не только себя.

– Те, кто помогал нам спастись, тоже рисковали. И мы рискнем. Это будет правильно, нельзя бросать человека в таком месте. Иди в кубрик, поднимай остальных.

* * *

Трой осторожно постучал три раза. С другой стороны так же тихо ответили трижды. Кто бы там ни был, он терпеливо ждал и сам по себе больше не пытался шуметь. Понял, что о нем знают, и дожидается спасения.

Со стороны кормы доносился такой грохот, будто там заработала лесопилка. Все, кроме Троя, Бвонга и Драмирреса, стучат там тяжелыми предметами по доскам палубы и дверям трюмных лестниц, привлекая внимание обосновавшихся внизу тварей.

Хранек подбежал с очередным докладом:

– Трой, они будто взбесились! Бьются в двери и визжат как резаные! Ох, их там гвоздями покололо, ох и покололо! Но все равно лезут и лезут!

– Много их там?

– Не знаю, но кричит не один и не два. Может, пять, а может, и десять.

– Хорошо, мы начинаем. Беги к остальным и скажи, чтобы начали шуметь сильнее.

– Да куда уже сильнее, руки вот-вот отвалятся!

– Отвалятся руки – стучите ногами. Погромче давайте, не надо скромничать.

Покрепче ухватился за лом, вбитый между доской, которую лично приколотил днем, и дверной створкой, негромко произнес:

– Если оттуда выскочат твари, на нас вся надежда. Надо будет остановить их прямо здесь, не пропустить ни на шаг.

– Ну, значит, помрем тут все, вот они и останятся ради ужина, – хладнокровно изрек Бвонг.

– Мы начнем когда-нибудь или будем и дальше болтать? – не выдержал Драмиррес.

– Начинаем, – решился Трой. – Разом! Навалились! Дружно! Быстрее!

Гвозди забивали на совесть, выбирая самые длинные. И теперь эти старания аукнулись: содрать добротнo прибитые доски с ходу не получилось. Процесс опасно затягивался.

Но вот одна со стуком упала на палубу, вторая, третья. Их всего шесть, дела идут, они справляются. Есть! Последняя сдалась!

Все трое нервно переглянулись, Драмиррес предложил:

– Давайте так: я открываю, а вы бьете того, кто выскочит.

Бвонг, замахнувшись багром, не сказал ни слова, а Трой уточнил:

– Бьем пепельников, людей не трогаем. Драмиррес, спроси голосом, а не перестуком, пусть ответит, чтобы точно убедиться.

– Ему там громко придется кричать, доски толстые, а для пепельников наш голос – лучшая приманка.

– Пока слышат, пока прибегут, ты сто раз успеешь отодвинуть щеколду и выпустить его. Вы всегда так делали, и ничего не случилось.

– Ага, делали. Вот только пепельники тогда были не такие. Свежие и чахлые. Кто знает, во что они сейчас превратились.

– Если они тогда были слабые, то я, значит, слабее Храннека, – напряженно произнес Бвонг. – Давайте уже, долго мне еще этот дырн держать над башкой?

Драмиррес прижался к двери, выкрикнул:

– Если ты не пепельник, а нормальный человек, скажи что-нибудь! Скажи, не бойся!

Сразу откроем! О! Трой! Ты слышал?!

– Нет.

– Вроде бы сказал что-то. Не расслышать, эти орут и стучат, – указал на корму.

– Открывай! – решил Трой.

Щеколда ушла в сторону, дверь распахнулась. На палубу упал человек, сидевший до этого на коленях. Верхняя часть туловища прикрыта стальной кирасой, на голове уплощенный шлем, голенища кожаных сапог доходят до колен. Все это Трой успел разглядеть краем глаза, помогая Бвонгу оттащить тело от двери. Драмиррес захлопнул ее в тот момент, когда ноги спасенного перестали мешать. Потянул щеколду, но не успел задвинуть ее до конца, как с другой стороны ударили, омерзительно завизжали.

– Бвонг! Навались! – крикнул Трой. – Сюда! Все сюда! Да кончайте уже шуметь!

Громила ринулся к двери, но в спешке позабыл об одной немаловажной детали. Доски, которые перед этим сорвали, валялись на его пути. Некоторые лежали набок, а некоторые ровной стороной книзу, при этом длинные концы гвоздей торчали вертикально.

Вот на один из таких штырей и наварлся Бвонг. Привычка бродить по палубе босиком сыграла с ним нехорошую шутку. Будь на нем ботинки, все бы обошлось, ведь деревянную подошву пробить непросто. Но, увы, он их снял и потому встретил острие голой кожей.

Здоровяк дико заорал, запрыгал на одной ноге, потащив вслед за второй приколоченную к стопе доску. Помогать ему было некогда, дверь куда важнее. Удерживая ее, Трой заорал:

– Айлеф! Стрейкер! Прибивайте доски! Быстрее! Миллиндра! Айриция! Храннек! Займитесь раненым! И помогите Бвонгу! Стащите с него ботинок и посмотрите, что там с его ступней!

В спешке Трою врезали по плечу молотком. Спасибо, что вскользь, но все равно больно. Темно, тесно, сутолоки много, и страх нагоняют непрекращающиеся удары с другой стороны. Рабы пепла взбесились по-настоящему, даже раны от гвоздей, которые до этого густо вбили в двери, не остужают их пыл. Но с лестницы не так удобно ломиться, нет ни малейшего пространства для разбега. Быстро расправиться со щеколдой и усилиями двух не самых слабых ребят не смогли, а потом в дело пошли молотки и стало полегче.

Вот и все, забита шестая доска. Удары не прекращаются, но дверь при этом не трясется предсмертно, совершенно очевидно, что самое страшное уже в прошлом. Тем более что Трой не думает останавливаться на достигнутом:

– Давайте еще!

– Доски?! – переспросил Айлеф.

– Нет. Гвозди. Тащите длинные гвозди. Все тащите. Забьем их в дверь пару дюжин, может, убьются об них, раз им так нравится ломиться. И оттащите этого в кают-компанию, он, по-моему, очень сильно ранен.

– Не то слово, – согласился Драмиррес. – Он с ног до головы в крови, вся одежда ею пропиталась.

– Ему целитель нужен, – сказала Миллиндра. – А может, и целитель не поможет.

– Нет у нас целителя, придется самим справляться.

Глава 7

Сэр Транниллерс

Девятый спасенный выглядел необычно. Даже одного мимолетного взгляда вполне достаточно, чтобы понять – он не из тех, кого перевозили заточенными в тесные ящики.

Во-первых – возраст. Бвонгу перед погрузкой в трюм исполнилось двадцать, и он, скорее всего, самый старший из уцелевших. Драмиррессу девятнадцать, Трой выглядит примерно на его возраст, но сколько точно, сказать невозможно, ведь сам не помнит, а в списках не указано. А спасенному ночью не меньше сорока, при самых скромных оценках. Это много, слишком много для рискованных экспериментов с пепельным ядом. Нет шансов сохранить разум, не превратиться в жадного до крови безумца.

Во-вторых – одежда. Никакой стандартной серости дешевого тряпья. Да, не в новом, и вещи не сказать чтобы роскошные, зато добротные и к тому же успели слегка пообноситься. То есть их нацепили не в последний момент перед погрузкой. Опять же – доспехи. Шлем, кираса, поддетый под нее колет снизу укреплен кожаными полосками с бронзовыми пластинками. Далее легкая тонкая кольчуга и простая нательная рубаха безо всяких узоров. Сапоги высокие, тоже укрепленные. В общем, одеяние настоящего воина, а не преступника, который должен путешествовать в ящике и облачаться в некрашеную шерсть.

В-третьих – оружие. Не слишком длинный, чуть изогнутый меч с односторонней заточкой, кинжал, боевой нож в специальном кармашке на голенище, еще один хитро закреплен на левом наруче. Все без излишеств, но, в отличие от одежды, явно дорогое. Никто не будет оставлять преступнику такой арсенал.

Но самое главное – рука. Левая рука. Точнее, ее частичное отсутствие. Кисти нет, вместо нее приделан сложного вида крюк – сдвоенный, на клешню похож.

Сомнительно, что среди команды или вольных пассажиров одновременно оказались два калеки. К тому же в нем опознали именно того, кто помогал выбраться первым очнувшимся. Возможно, это именно тот самый сэр Транниллерс, рыцарь Церкви Святого Круга, который оставил последнюю запись в судовом журнале.

Выходит, ошибочно похоронили главного спасителя, поторопились. Он не стал жертвой рабов пепла, каким-то образом сумел пережить их нападение, а затем, уже ночью, добрался до носовой лестницы. И благодаря четким действиям бывших узников трюма его удалось вытащить на палубу.

Однорукий был жив, но на этом хорошие новости заканчивались. Может, он имел дело с совсем уж начинающими пепельниками, слабыми и неловкими, но отбилась от них дорогой ценой. На первый взгляд пребывал в таком состоянии, что до смерти один шаг, а вернуться к жизни уже не получится. Должно быть, все силы растратил на ожидание под дверью, после чего упал без памяти и, похоже, не собирался приходить в себя.

Многочисленные раны по всему телу. Пепельники не пропустили ни единой возможности добраться до незащищенной кожи: лицо, руки, ноги и даже боковые щели кирасы – их зубы и ногти везде постарались. Пусть кольчугу не прокусили, но синяки оставили знатные. Почти все раны неглубокие, но их слишком много, повреждено немало серьезных сосудов, кровь лилась рекой, запачкав от пяток до макушки. Тем не менее воин все еще дышал, и сердце его билось.

– Как он? – тихо спросил Трой, открыв двери кают-компании.

Айриция, дежурившая возле капитанского ложа, превращенного в больничную койку, медленно покачала головой:

– Он не приходит в себя. Но дышит.

– Я скажу Миллиндре, чтобы тебя подменила.

– Мне нетрудно сидеть и дальше. Лучше скажи ей, чтобы она принесла еще одно одеяло из кубрика.

– Зачем? Разве здесь холодно?

– Однажды мой брат подрался в кабаке, и его несколько раз ударили ножом. Под ним растеклась огромная лужа крови, он умер у отца на руках. И пока умирал, все время повторял, что ему очень холодно. Этот человек тоже потерял много крови, и его тоже морозит.

Трой не нашелся что сказать на краткий и непростой рассказ Айриции и потому ответил просто:

– Понял. Скажу.

Раненый неожиданно шумно вздохнул и тихо, но отчетливо произнес:

– Зачем вы меня просили что-нибудь сказать?

Айриция от неожиданности охнула, а Трой, растерявшись, брякнул не подумав:

– О чем вы вообще?

– Ночью через дверь меня просили что-то сказать.

– Мы хотели убедиться, что вы человек, а не раб пепла.

– Но я же стучал в ответ.

– Стучать и они умеют.

– Нет, они умеют завывать, ухать совой и визжать. Они не умеют повторять за нами, слишком глупы.

– Мы не могли об этом знать, никто из нас до этого не сталкивался с рабами пепла. Вы – сэр Транниллерс?

– Почему ты так решил?

– Я прочел запись в судовом журнале.

– Подойди ко мне.

Трой приблизился к кровати, встал в изножье. Сэру Транниллерсу было неудобно смотреть на него с низкой подушки, но понятливая Айриция слегка приподняла ему голову. Раненый уставился цепким взглядом темных глаз, в которых не наблюдалось недомогания, зато хватало усталости. Лишь как следует рассмотрев Троя, спросил:

– Сколько выжило?

– Восемь. С вами девять.

– Ты главный? Уцелевшие слушаются тебя?

– Меня никто не выбирал, но так получилось, что командовать приходится мне.

– Как тебя зовут?

– Трой.

– Трой... Трой... – Раненый нахмурился, спросил изменившимся голосом: – Ты случайно не тот Трой, у которого нелады с памятью?

– Да, я стертый.

– И ты здесь за главного?!

– Может, памяти у меня и нет, но почему-то помню многое.

– О себе?

– Нет, о себе не помню ничего. Зато немало помню о разных вещах.

– О каких?

– Похоже, я когда-то разбирался в морских делах, много знаю. Лучше меня здесь в этом никто не разбирается. А мы на брошенном корабле, такие знания не лишние. Вот так и получилось, что начал командовать.

– Понятно. Ты осознаешь, в какую ситуацию вы угодили?

– Да, мы уже не раз это обсуждали, непонятные моменты прояснили.

– И что ты предпринял?

– Мы приготовили парусиновые полотнища для захвата дождевой воды. И вырезали два паруса: спинакер на остатки фок-мачты и блинд для бушприта. Теперь надо будет их закрепить, это несложно.

– Ты хочешь сказать, что сумеешь управлять кораблем?

– Нет, эти паруса лишь помогут увеличить скорость, если ветер задувает с кормы. В некоторых случаях это не будет лишним.

– А я уж было удивился, что тебе удалось то, что не смогла сделать здешняя команда. Те еще негодяи, но у них хватает опыта и нет проблем с памятью. Продолжай.

– Когда закончим с парусами, займемся плотом.

– Плотом?

– Сколотим большой плот с парусами и веслами. Я придумал, как его спустить на воду с высоты борта. Для этого нам понадобится много досок и крепкие брусья для механизма спуска и прочего. И то и другое получим, разобрав палубный настил над кубриком – это единственное место, которое можно ослабить без риска прорыва пепельников. Нас мало, легко разместимся в кают-компани и маленьких каютах. Да и в коридоре между ними место есть, тесниться не придется.

– Ты хочешь покинуть корабль?

– Только если увидим землю.

– Можешь сказать, почему не стремишься сделать это раньше?

– Может, и правда придется пойти на это. Но я не хочу. Все обыскал, но не нашел навигационные инструменты. Без них мы не можем определить свое положение. Да и с ними пока что ничего не получится, небо затянуто тучами. Не будь их, я бы и безо всяких инструментов определился.

– Ты бы смог без инструментов понять, где мы находимся?

– Нет, но широту определить смог бы.

– Это уже немало.

– Но пока ничего не получается, погода не позволяет. Нежелательно плыть наобум, плот не может двигаться быстро, и запасов на нем будет немного, слишком большой риск.

– Что за навигационные инструменты?

– Да хоть какие-нибудь. Вы разве не знаете? Угломерные устройства, которые наводят на звезды и солнце. Хотя второй день подряд стоит ненастная погода и они не могут работать, но когда-нибудь сплошная облачность обязательно рассеется.

– Трой! – прокричала из коридора Миллиндра. – Дождь пошел!

– Собирайте воду в бочки! – крикнул он в ответ. – Без меня, я сейчас занят!

– Вижу, ты даже без памяти неплохо можешь управляться, – без похвалы, просто констатируя факт, произнес раненый. – Но твои знания о море местами неверны. Не нужны

никакие угломерные инструменты, и не надо ждать хорошую погоду для наблюдения за звездами. Все куда проще.

– А как же тогда определяться?

– Для этого есть штурманы. Они или перегоревшие маги, или недоразвитые, развиваться такие не могут, ущербные. Но их крошечного дара хватает для подзарядки навигационного амулета, ему ведь много энергии не требуется.

– Я о таком не слышал.

– Амулет работает в любую погоду, днем и ночью, лишь бы заряд не иссяк. Ему не нужно смотреть на звезды. В некоторых местах магические аномалии могут давать помехи, но это все равно не умаляет его достоинств. Моряки, пересекающие океаны, без амулета не покидают порт. Дорогая вещица, но она себя многократно окупает. Все еще не вспомнил?

– Нет. Не помню я ничего о таких амулетах.

– Вообще-то в этом случае правильнее говорить – магическое устройство, а не амулет. Что ты имел в виду, когда заявил, что корабль, возможно, придется покинуть до того, как покажется земля?

– Судно пострадало при урагане, в носу открылась течь, и я не могу сказать, как сильно поврежден корабль. Мы не можем откачивать воду, в трюме заперты пепельники, нам не подобраться к помпам. Я вчера сделал две отметки на урезе воды по правому и левому бортам, теперь слежу за ними. Пока не могу сказать, что осадка увеличивается, но, возможно, это происходит слишком медленно, при волнении разглядеть слабые изменения трудно. Если мы и правда тонем или прорвутся пепельники, то в конце концов придется бросить корабль и плыть, не видя берегов.

– Ясно. Я могу чем-нибудь тебе помочь?

– Вы ранены и потеряли много крови. Просто лежите и выздоравливайте.

– Как раз этим я сейчас и занимаюсь. Если тебе нужны ответы на какие-то важные вопросы, задавай, пока сонливость не начала одолевать.

– Не думаю, что в таком состоянии полезно много разговаривать.

– Трой, мальчик, я не первый раз зарабатываю раны. И, надеюсь, не последний. Я куда лучше тебя знаю, что мне сейчас полезно, а что вредно. И еще я в ответе за вас. То есть должен приложить все усилия, чтобы вы добрались до земель Краймора. На фоне понесенных потерь это может показаться смешным пустяком, но я намерен до конца выполнять свой долг. Думай я иначе, не стал бы спускаться в трюм за вами. Так что, если у тебя есть срочные вопросы, задавай без стеснения.

– Вы можете дать совет, который поможет нам добраться до земли? Знаете что-нибудь, чего не знаю я?

– Эти вопросы я раз за разом задавал команде и их капитану. Что он негодяй, что они тот еще сброд, так ничего толкового и не сказали, а потом погрузились в шлюпки и уплыли на восток. Надеюсь, если добрались до берега, то там не протолкнуться от зарослей тессеркуллы и прячущихся в ней трессингов. А если у них как раз брачный период, так вообще замечательно.

– О чем вы? Что такое тессеркулла и трессинги?

– Гм... А ведь вы ничего не знаете. В этом ты равен со всеми остальными выжившими, памяти о Крайнем Юге у вас нет. Ну разве что глупые страшилки и бредовые рассказы, почти не имеющие отношения к действительности. Будем считать, что ты начал свое обучение.

– И на кого же я буду учиться?

– На рашмера, кого же еще? Глупец берет силой, а умный умом. И умные хлюпики на землях Краймора выживают куда чаще безголовых верзил. Итак, начну с тессеркуллы. Это очень необычное растение. Одно из чудовищных порождений южных разломов, того пепла, который до сих пор периодически отравляет земли Крайнего Юга. Ты ведь знаешь о пепле?

– Кое-что мне рассказали.

– По-настоящему зараженные земли располагаются гораздо южнее, но случаются исключения, когда яд забирается на север в опасных количествах. Не сильно далеко, даже жители отдаленных от экватора территорий могут не беспокоиться по этому поводу. Я говорю о широтах, на которых сейчас болтается наш корабль. Роза ветров сыграла с Китовым архипелагом дурную шутку, здесь случаются пепельные ливни, потому эти земли не пользуются спросом у здравомыслящих людей. Как я уже сказал, тессеркулла – одно из порождений пепла. Растет там, где порядочное растение укорениться не станет: бесплодные скалы, осыпи, солончаки, омываемые прибоем пляжи с черными песками, зараженные пеплом глинистые пустоши на местах бывших пожарищ. Она выглядит по-разному в зависимости от среды обитания. Иногда как ползучий кустарник с колючими желтоватыми или коричневыми стеблями, свернутыми в штопор, и узкими очень жесткими листьями. Иногда как пучок мертвых ветвей на массивных основаниях. Только они не мертвые, а втянувшиеся к корням. Бывает, что ни единого листика на ней нет, а бывает вся ими покрыта. Цвет у них вроде серого, неприятный, с первого взгляда понятно, что листва ненормальная. Большую часть жизни тессеркулла довольствуется тем, что получает от земли, но если в радиусе досягаемости оказывается живая пища, она ни за что не упустит возможность полакомиться. Стебель развитого растения может двигаться со скоростью кнута, крепкий шип на кончике навывлет пробивает тело в кожаном доспехе, боковые шипы загнутые и не дают добыче соскочить, удерживают, будто зубья гарпуна китобоя. Далее ротозей подтаскивается к основанию пучка стеблей, где пищеварительные побеги впрыскивают в него разъедающий сок, а затем высасывают получившуюся массу. Перерубить стебель крайне сложно, он крепкий и гораздо быстрее человека, потому уклониться тоже непросто. Весь юг острова Кашалота и частично центральная часть поражены этой гадостью. Во многих местах она образует сплошные заросли, проходы через них редки, к тому же там можно стать жертвой замаскировавшихся стеблей тессеркуллы, она мастерица устраивать неожиданные засады. Так что сам подумай, каково будет капитану и его трусливым лентяям, если они высадятся на берег, богато заросший столь милым растением.

– Их это сильно огорчит.

– Вот и я о том же. Но даже если им удастся избежать знакомства с этим интересным кустиком, их, скорее всего, выследят трессинги. Слишком серьезная толпа людей, они не смогут оставаться незамеченными, трессинги те еще математики, любят большие цифры.

– Что за трессинги?

– Тоже порождения пепла, но на этот раз без корней, о чем я неоднократно сожалел. Быстрые, заразы, и могут набедокурить. Внешне у них есть некоторое сходство с человеком, они достаточно умны, при необходимости могут использовать сложные орудия из древесины и камня. В том числе дротики с парализующим ядом. Последнее случается редко, но всегда имей в виду, что одной царапиной тебя могут вывести из строя. Тессеркулла этих тварей не трогает вообще, они могут безбоязненно проходить через ее заросли напрямик, пока люди, спасаясь от заметившей их стаи, будут искать пути обхода. Парализованную жертву могут убить сразу, а могут на время пощадить. На короткое время. Такое случается лишь в брачные

периоды трессингов. В эту пору их самцы круглые сутки возбуждены, они бросаются на что угодно. Этим затейникам все равно, мужчина перед ними или женщина, так что каждый из тех, кого они схватят, имеет шанс оценить их безудержную любвеобильность.

– Если там так опасно, зачем они сели в шлюпки? По мне, так лучше утонуть вместе с кораблем, чем такое.

– На острове Кашалота есть и хорошие места, особенно в северной части, я просто мечтаю, чтобы этим подонкам не повезло. Пусть попадут в южную, они эту радость заслужили. Ты все запомнил про тессеркуллу и трессингов?

– Да.

– Не забывай это. И другим расскажи. И то и другое встречается почти на всем Крайнем Юге. Невелика опасность, но немало самых опытных воинов находили смерть от крепких колючек и неутомимых бегунов. Хорошо бы, если все могли слышать мои рассказы. Пока не встану на ноги, это единственный способ подготовить вас к новой жизни.

– Всем слушать нельзя, трое все время должны дежурить возле дверей. Еще один ходит по палубе и поглядывает везде.

– На что поглядывает?

– Время от времени пепельники начинают стучать в стенки трюма. Мы боимся, что они пытаются устроить брешь.

– У них не хватит на это ума.

– Но на всякий случай мы должны присматривать.

– Ты главный, это твое решение, но я бы сильно не беспокоился по этому поводу. Хотя... Знаешь, все же соглашусь с тобой во всем. Да, надо присматривать за ними.

– Думаете, что они и правда могут найти другой выход?

– Я никогда не сталкивался с ситуацией, когда орава рабов пепла оказывалась заперта в трюме коммерческого судна. Догадаться поискать другой выход не так уж сложно, так что ты правильно делаешь, что принимаешь все меры к недопущению этого. Ладно, сегодня мне и правда лучше помалкивать, приберечь силы. Но завтра попробую выбраться на палубу.

– На палубу?! Да мы думали, что вы вот-вот умрете! Вам еще лежать и лежать!

– Я уже много раз умирал, вошло в привычку, знаю, что и когда мне надо делать. Завтра можно выбираться, не сомневайся. Только бы с силами собраться. Как насчет горячего обеда? Это возможно организовать?

– Попрошу девушек сделать похлебку из солонины. Простите, но ничего лучше нее у нас нет: только она и некачественные сухари. И сладости у капитана, но из них похлебку вряд ли сварить.

– Да, этот тупой толстяк тот еще сладкоежка. Между вами проблемы случались?

– В каком смысле?

– В прямом: драки, ссоры и прочее в таком роде.

– Всякое бывало, но в общем-то держимся нормально, не грыземся по любому поводу.

– Вы не первые попавшиеся, вас выбирали. Но все же не стоит забывать, что выбирали из тех, кто преступил закон. Так что будь готов ко всему.

– Постараюсь.

– Хорошо, ступай, помогай своим людям. Если тебе нужна эта девушка, забирай ее тоже. Я не умру, если останусь в одиночестве.

– А можно спросить – кто вы? Зачемплыли на этом корабле? Вы сопровождали груз? То есть нас?

– Я просто пассажир и не имел никакого отношения к грузу. Но я еще и слуга Церкви Святого Круга, а вы ее собственность. Так что мой долг – о вас заботиться.

– Если не имели отношения к грузу, то откуда узнали о том, что я стертый?

– Плавание долгое и скучное, со скукой приходится бороться самыми разными способами. Чтение списков – не самый худший из них. Ты единственный стертый из пассажиров, тебя трудно не запомнить.

– Понятно. Хочу сказать, что все ребята вам благодарны. Не будь вас, никто из нас не смог бы выбраться на верхнюю палубу.

– Если бы я не допустил промашку, смог бы спасти куда больше людей. Не так уж сильно вас переморозило, чтобы почти все умерли. Но теперь уже да, время потеряно, почти все так и задохнулись в ящиках. Какая страшная смерть, прости меня Святой Круг. Надеюсь, немногие встретили ее в сознании, куда лучше умирать во сне. Их приговаривали к искуплению грехов, а не к мучительной казни. Иди, Трой, мои веки смыкаются. Но как только появится горячая похлебка, сразу разбудите. Воину нужна добротная пища, особенно такому потрепанному, как я.

Глава 8

Акулы, киты и прочее

Вода была не слишком приятная на вкус, и разного мелкого мусора в ней хватало, но это уже куда лучше, чем та омерзительная бурда, которую приходилось зачерпывать из последней бочки.

Трой, прополоскав рот, сглотнул, одобритительно кивнул:

– Сойдет.

– Гадости в ней много, – буркнул вечно всем недовольный Бвонг.

– Это от грязной парусины, вряд ли отравишься.

– Уверен? Я тут наслушался рассказов о пепельном яде, вдруг все паруса в нем?

– Сомневаюсь, ведь это не паруса с мачт, это запасная парусина. Где бы она набралась пепельной гадости, если лежала свернутой в рулоны?

– Откуда мне знать где? Со мной давно ничего хорошего не случалось, так почему бы не отравиться еще и пепельным ядом? Вот возьми этот дождь. Откуда появились его капли? Вдруг они тоже ядовитые, вдруг их с юга ветром принесло?

– Такой большой, а трусишься, как маленький ребенок, – насмешливо произнесла Миллиндра, недовольная тем, что здоровяк упорно обзывал ее Веснушкой. – Мы рашмеры, нам пепел юга нипочем, надо очень много яда, чтобы нам навредить.

– Да тебе и мелкой капли хватит. Тоже мне, смелая выискалась, соплей перешибить можно, а наглость так и прет.

– Да уж посмелее тебя.

– Да что ты говоришь? Так возьми топор и спустись в трюм, там надо кое-кому голову проломить, а у меня как раз смелости не хватает.

– Воды у нас не так много, но на некоторое время недостатка в ней не будет, – продолжил Трой. – Теперь надо подумать о еде. Один бочонок солонины почти пуст, во втором она протухла, есть ее невозможно.

– Но ты ее не выбросил, – встрял Бвонг. – Значит, думаешь, что мы эту вонючую гадость будем уминать за обе щеки, когда дело дойдет до голода.

– Надеюсь, что обойдемся без голода. У нас еще сухари остались.

– Их тоже мало, и они слова доброго не стоят – труха с жучками вперемешку.

– Но у меня есть кое-какие мысли, я знаю, как можно поправить дело со снабжением.

– Например? – заинтересовался Драмиррес.

– Мы болтаемся чуть ли не посреди океана, и я уже дважды видел акул. Может, это одна и та же, но тогда получается, что она следует за кораблем. Они часто так делают, что-то их привлекает. Такую рыбу даже одну нам не съесть, испортится раньше, чем осилим хотя бы половину. Ловить их легко, надо только немного подготовиться. Вы разбирайте настил над кубриком, а я займусь снастями для ловли акул.

– А ты покажешь эти снасти? – замороженно спросил Храннек. – Я ловил пескарей под мельничной плотиной, но не знал, что можно ловить акул.

– Покажу. Акула тоже рыба, так почему бы нам ее не поймать?

Корабль – это, по сути, населенный остров, от обычных отличающийся в первую очередь способностью к управляемому передвижению. Но чтобы поддерживать его на плаву и обеспечивать это самое передвижение, требуются усилия людей разных профессий. На большом судне не обойтись без специалистов в кузнечном и плотницком деле, да и на малом они не будут лишними. Им нужны разные инструменты и материалы, и все это сейчас поступило в распоряжение вчерашних узников трюма. Выбор невелик, кое-чего вообще нет, а некоторых вещей слишком мало. Например – всего лишь одна пила. Нехватка затянет срок работы, но не помешает ее завершить.

Трою пришлось попотеть, он не слишком-то ладил с некоторыми инструментами. Ни голова не помнила, ни руки. Или стерли вместе с памятью, или он вообще ранее этим не занимался. Допустим, смотрел за тем, как это делают другие, и кое-что намотал на ус, но практических навыков не получил.

Почему именно акула? Да потому, что Трой был твердо уверен – зубастое создание кинется за любой предложенной наживкой, пусть даже это будет кусок испортившейся солонины. И тонкость снасти не требуется, а это немаловажно для неопытного мастера по изготовлению рыболовных принадлежностей.

Хотя чем дальше он возился с канатами, цепями и прочим, тем более сомневался в правильности выбора потенциальной добычи. Дважды увиденная акула даже с высоты кормовой надстройки казалась не маленькой. Каково будет затаскивать ее наверх? Но сейчас не тот случай, чтобы идти на попятную. Он твердо высказался, товарищи ему поверили, нельзя ударять в грязь лицом.

Значит, надо продумать все до мелочей. И начать с первого – крючка, на который подцепится добыча. В этом должен помочь якорь-кошка – готовый уловистый тройник. Надо лишь подточить кончики, благо нашлось и точило, и мелкозернистый оселок.

С крючком все понятно. Но его надо к чему-то привязать. Самых разных канатов на корабле хватает, но кто знает, на что способны акулы зубы. Вдруг они легко справятся с пенькой, если рыбина успеет глубоко проглотить приманку? Надо что-то придумать на этот случай. Но что? Вспомнил, что в той же камерке видел стальную цепь. Надо оценить ее крепость и, если сочтет приемлемой, расклепать одно звено, взяв нужный отрезок. С закаленным металлом не справятся даже самые страшные клыки.

Крюк на куске цепи, дальше прочный канат, а за ним...

Надо придумать, каким образом затаскивать клюнувшую рыбку на палубу. Возможно, дружных усилий хватит, но это означает, что придется всей кучей сидеть на корме до момента поклевки, при этом неизвестно, когда рыба соблазнится и соблазнится ли вообще. А ведь кому-то надо присматривать за трюмными дверьми и разбирать палубу над кубриком. Позднее из добытых досок и брусьев придется соорудить устройство для спуска плота на воду, да и сам плот. Работы хватает на всех, нет возможности отвлекать от нее даже половину людей.

Значит, надо сделать так, чтобы присматривать за снастью мог всего один человек. Его усилий должно хватить для начала борьбы с клюнувшей рыбой, он должен продержаться до подхода подкрепления. Нельзя давать акуле делать все, что заблагорассудится. Мощными рывками она способна разорвать канат или, устроив слабинку, перекусить. Да можно и без зубов обойтись, если заплывть под днище и как следует подергаться, перепилив пеньковое плетение о киль. Если вокруг руля обмотает, тоже нехорошо, ведь никто не полезет распутывать узел, когда рядом с тобой плавает разозленная морская хищница.

Есть лебедки, есть блоки, надо лишь представить, что канат тягает не рыбу, а тяжелый парус, и все станет куда понятнее. Хотя это всего лишь теория, на практике можно столкнуться с сюрпризами.

В общем, акула – это не сельдь и не треска, к вопросу ее поимки надо относиться очень вдумчиво. Так что Трою придется немало попотеть, прежде чем снасть будет готова. Но пусть на разборке палубы нужна каждая пара рук, он не станет отвлекаться. Они нуждаются в продовольствии, и других путей справиться с проблемой нет. Так что давай, Трой, работай точилом как следует, все три крюка должны быть острыми, как иглы.

* * *

– Ох и воняет, – скривился Драмиррес, нанизывая на крюк очередной кусок склизкой солонины. – На месте акулы я бы даже близко к такой гадости не подплывал, меня вот-вот стошнит.

– А я бы не стал на такую снасть попадаться, – добавил Айлеф, перебирая в руках петлю каната. – Слишком все грубое и толстое. Я раньше ловил пескарей и плотву на жилку из конского хвоста. Если жилка черная, ловилось хуже. Белую им труднее замечать.

– Не сравнивай акулу и пескаря, – ответил на это Трой. – Для нее такой канат все равно что белая жилка. Не обратит внимания, она глупая.

– Хорошо бы. А то как вспомню про те сухари и солонину, как-то не по себе становится. Плохая еда, да и мало ее. Сколько нам еще придется плыть?

– Точно не знаю, надо ждать хорошего просвета в тучах.

– Зачем?

– Пока не увижу чистое небо, определиться не смогу. Сейчас кину приманку за борт так, чтобы волочилась почти на поверхности. Как клюнет, надо будет сразу подтащить ее поближе, чтобы голова рыбы высунулась из воды. В таком положении пусть побесится немного, выбьется из сил, потом вытащим наверх без проблем.

Говоря это, Трой уже вытравливал канат. Вот крюк коснулся воды, вот ушел под нее, лишь половина отрезка цепи выглядывала.

– А почему канат отклонился от кормы? – спросил любознательный Храннек.

Бвонг решил блеснуть эрудицией:

– Тебе же Веснушка рассказала, что мы не на месте стоим, а плывем по течению. Крюк упал в воду, течение несет корабль, вот и отклоняется.

Драмиррес тут же поймал его на противоречии:

– Умник, вообще-то крюк несет то же течение. И он и корабль должны плыть с одинаковой скоростью. То есть крюк должен висеть внизу, а не отклоняться.

– Будешь обзывать меня умником, начищу рожу!

– Скорее я тебе что-нибудь начищу.

– Уймитесь! – чуть ли не закричал Трой. – Нас ссоры прикончат быстрее, чем голод и пепельники, надо держаться друг друга. Из капли море устраиваете, стыдно смотреть.

– Я всего лишь назвал его умником, – буркнул Драмиррес. – Для нормального человека это не оскорбление.

– А я сказал, что хватит! Замяли тему.

– Ладно, молчу.

– Дело не только в течении, – начал пояснять Трой. – Ветер северный, он дует туда же, куда направлено течение, и еще больше разгоняет корабль. Мы ведь поставили парус под бушпритом, пусть он и маленький, но работает. Когда поставим спинакер, скорость увеличится, крюк будет уклоняться еще сильнее, придется немного стравить канат, чтобы наживка не волочилась по поверхности.

– Что-то не клюет твоя акула, – буркнул Бвонг, недовольный тем, что неправильно ответил на вопрос Храннека.

И последующие слова Драмирреса он тоже не забыл.

– Не все сразу. Она клюнет. Обязательно клюнет.

– Смотрите! – крикнул Стрейкер.

Трой сперва ничего не заметил, но потом из моря показалась темная изогнувшаяся масса исполинских размеров, медленно скрылась, выпустив напоследок белесый фонтан. Перекрикивая хор взволнованных голосов, объяснил:

– Это всего лишь кит. Не надо его бояться, нас он не тронет.

– А если эта образина схватит твой крючок?! – выкрикнул Бвонг. – Думаешь, что твоя веревка выдержит такую добычу?! Да ее порвет, как волосинку!

– Кит не станет хватать солонину. Он питается малюсенькими рачками, ему соленое мясо неинтересно.

– Такая большая рыба ест мелких рачков?! Ну ты и выдумщик!

– Это вообще не рыба.

– Рыба, я видел хвост.

– Ну и что? У морских коров тоже есть хвосты, но никто не назовет их рыбами.

– Морские коровы?! Это что за коровы такие?!

– Даже не знаю, как объяснить... Морского котика видел?

– Кот в море?! Да ни один кот в воду не полезет, они ее не любят.

– Тогда никак не объясню. В общем, у кита нет жабр, зато есть легкие. Ему приходится всплывать время от времени, иначе задохнется, а рыба дышит под водой, ей воздух не нужен.

– Для человека со стертой памятью ты слишком много странного знаешь. Или ловко все выдумываешь.

– Трой не выдумщик, – вмешалась Миллиндра. – Я такое же слышала. И дельфины тоже не рыбы, хотя похожи на них. А еще есть тюлени. У них нет хвоста, но задние ноги похожи на плавники. На Крайнем Юге их много самых разных, они огромными стадами сидят на берегах. Такие места называют лежбищами. Там не только тюлени, там много разных животных. Некоторые даже никем не описаны, Крайний Юг очень плохо исследован.

– Я слышал, что в воде там тоже чудовищ хватает, – заметил Драмиррес.

– Я тоже такое слышала. Но не знаю, правда ли это. Почти каждый, кто вспоминает Крайний Юг, любит рассказывать о чудовищах, но все такие рассказы неправдоподобные, надо быть совсем уж глупым, чтобы поверить в полную чушь.

– А я смотрел книгу в каюте капитана, – сказал Храннек. – Там много картинок с разными плавающими чудовищами. И даже нарисовано, как они топят корабли. Я думаю, эти стрелометы, которые у бортов, поставили для защиты от нападений чудовищ.

– Это от пиратов, – возразила Миллиндра. – Все знают, что на западном побережье много разбойничьих гнезд, там небезопасно. Поэтому все большие корабли вооружены.

– Не знаю, кто во что верит, но я бы хотел посмотреть на эти стрелометы поближе, – заявил Бвонг. – Хорошо бы убедиться, что они работают.

– Кто-нибудь умеет стрелять из баллист? – спросил Трой.

– А ты разве нет?

– Не знаю. Не помню, чтобы умел. Такое впечатление, что впервые их вижу.

– Они похожи на очень большие арбалеты, – с сомнением протянул Стрейкер. – Если так и есть, могу попробовать с ними разобраться.

– Вот и разбирайся. Айлеф, ты остаешься здесь, на лебедке, позже тебя сменят. Бвонг, ты поможешь мне с креплением для спинакера. Остальные будут разбирать кубрик, там еще много работы.

Глава 9

Старый рашмер

Акула не клевала. И даже не показывалась на глаза. Такое впечатление, что вонь от подпорченной солонины ей не понравилась, и рыбина решила попрощаться с неприятно пахнущим судном. Но сдаваться Трой не намеревался и потому, когда подошла его очередь, занял позицию у лебедки и терпеливо следил за снастью.

Пару раз замечал китов, хотя во втором случае не был уверен, уж слишком далеко взметнулся фонтан. Похоже, в этих водах хватает морских гигантов – слишком часто попадаются на глаза. Должно быть, корма для них много, а раз так, то и другим обитателям океана должно хватать. Значит, здесь много разной живности, и при должном старании что-нибудь обязательно попадется.

Может, стоит подумать об удочке попроще? Самой обычной, на некрупную рыбу? Если такая ловится регулярно, можно не ждать сутками в ожидании поклевки здоровенной акулы.

Погода, побаловав дождем, далее ничем не отличалась от вчерашней. Все те же низкие облака сплошным слоем, и ровный ветер с севера. Если и далее не будет изменений, корабль должен быстро добраться до богатых островами вод Краймора, а до этого момента надо успеть доделать плот.

А они пока что даже не начали. В голове лишь смутные очертания проекта, о реализации пока что говорить рановато. Первым делом придется устроить что-то вроде подвесного стапеля из брусьев и досок. На нем надо будет работать привязавшись, ведь, если свалишься за борт, спасти тебя не смогут. Корабль сейчас идет пусть и под скромными, но парусами, удалится быстро, а развернуть его нет возможности.

Как нет возможности спустить шлюпку, струсившая команда ни одной не оставила.

– Трой, можно с тобой кое о чем поговорить? – спросила неслышно подошедшая Миллиндра.

Он чуть растерялся, ведь думал, что один на корме, плеск волн о борт заглушил еле слышные шаги девушки. Неправильно поняв причину его затянувшегося ответа, пояснила:

– Отвар из солонины для сэра Транниллерса готов, на разборке кубрика мне делать нечего, ты ведь сам сказал, что ни от меня, ни от Айриции там нет толку. Я, конечно, могу найти себе полезное для всех занятие, но то, что хочу тебе рассказать, тоже важно.

– Конечно, Миллиндра, в любое время говори. И никто не считает вас бесполезными. Просто вы и Храннек не можете таскать тяжести, а там сейчас только это и надо.

– Я хочу поговорить о сэре Транниллерсе.

– С ним что-то случилось?

– С этим рыцарем что-то не так.

– Как это?

– Он странный. Очень странный.

– И в чем его странность?

– Ты видел его раны? Они ужасно выглядели. И крови он потерял много. Обычный человек после такого редко выживает, тем более без целителя. А если выживет, очень долго лежит. Несколько дней нужно лежать, даже если ему помогает целитель. И суток не прошло, как мы вытащили сэра Транниллерса из трюма, а он уже рвется на ноги подняться. И говорит

как здоровый человек. Я даже подумала, что он маг и поддерживает себя магией. Но маги так себя не ведут, почти у всех заметна некоторая надменность, они постоянно хватаются за свои амулеты и потому быстро себя выдают. Он не похож на мага. Но и на нормального человека тоже не похож. Может, он считает себя главным на корабле, но для меня ты главнее всех, и ты должен это знать и должен сам решить, что делать с этим знанием. Я не думаю, что сэр Транниллерс желает нам зла, но он не все о себе рассказал, и это мне не нравится. Доказать ничего не могу, но я в этом уверена. Айриция тоже удивляется его живучести. Мы вместе обрабатывали его раны, мы лучше всех видели.

- Я тебе верю. Давай у него спросим, как только придет в сознание.
- Сперва его надо будет накормить.
- Хорошо, спросим сразу после этого.

* * *

– Подонки! Подонки! Вы все подонки! – Птица отреагировала на появление Троя в своей обычной манере, после чего широко зевнула.

Вечереет, пора подумать насчет сна, но и о ругани нельзя забывать.

Миллиндра, сидевшая возле ложа больного, спросила:

– Трой, ты не знаешь, никто не находил амулет для создания магических светильников? Сэр Транниллерс хотел изучить судовой журнал и другие бумаги капитана, но в каюте слишком темно.

– Я даже не знал, что такие амулеты бывают.

– Но ты же видел светящийся шарик в трюме. Такой могут создавать только маги, но магов на корабле не было. Значит, у кого-то был амулет, без подпитки магом светильник вечно работать не будет.

– Не совсем так, – подозрительно бодрым для тяжелораненого голосом поправил сэр Транниллерс. – Для подпитки не нужен полноценный маг, достаточно перегоревшего, там силы всего ничего надо. Сойдет даже недоразвитый маг. То есть человек, которого забраковали ребенком. У этих бедолаг дар не развивается, что с ним ни делай. На корабле был такой, вот на нем и держалось все освещение.

Трой указал на потолок:

– Здесь гнезда для подсвечников или светильников. Нормальных светильников. Если их найти, будет освещение. Тут были свечи, я помню, но кто-то их забрал.

– Айлеф снял все еще вчера, – сказала Миллиндра. – Мы ими кубрик освещали.

– Я думаю, что люстру повесили как украшение, – уверенно произнес сэр Транниллерс. – Капитан любил пустую мишуру, достаточно оглядеться по сторонам, чтобы это понять. Зачем переводить дорогие свечи, если есть почти бесплатная магия? Трой, я слышу стук инструментов. Вы делаете плот?

– Нет, пока что продолжаем разбирать настил над кубриком. Завтра к полудню планирую заняться стапелем, там придется тяжелее, не знаю даже, сколько займет такая работа. Только после этого можно будет заняться плотом.

– Понятно. Ну что же, очень скоро у тебя появится новый работник. Две пары рук не гарантирую, но одна будет железно.

– Об этом я и хотел с вами поговорить.

– О том, чем именно я смогу помочь?

– Нет, о вас.

– Это слишком расплывчато.

– Сэр Транниллерс, мы благодарны за то, что вы помогли нам, не оставили в трюме. И мы были честны с вами во всем. Но не видим такой же честности с вашей стороны, и некоторых это начинает беспокоить.

– Трой, ты считаешь, что я вас в чем-то обманул?

– Нет, об этом нет речи. Но вы что-то не договариваете. Некоторых из нас это смущает. Другие пока что не заметили недомолвки, но вскоре заметят. Я бы не хотел, чтобы начались ненужные разговоры.

– Позволь, я догадаюсь – вам не по себе из-за того, что кто-то уцелел в трюме, набитом ящиками с трупами и пепельниками, после чего выбрался самостоятельно, несмотря на множество опаснейших ран. Ведь он должен был истечь кровью не один раз, но этого не случилось. То есть должен был умереть, но почему-то жив. И уж в любом случае обязан много дней провести в забвении, оправляясь от полученных ран. Я прав? Вас смущает именно это?

Трой молча кивнул, но сэр Транниллерс это не заметил:

– Мальчик, я не слышу ответ, мои глаза видят не так хорошо, как тебе кажется, в этом позолоченном склепе слишком сумрачно.

– Да, вы правы.

– Это хорошо, что ты сам пришел с этими вопросами. Я не подумал, что надо дать какие-то объяснения, а ведь все и правда выглядит подозрительно.

– Мы вас не подозреваем ни в чем плохом. Мы благодарны вам.

– Это я уже слышал. И понимаю, что дело не в подозрениях. Все мы сейчас в одной лодке, а ты взял на себя роль лидера и обязан знать, что можно ожидать от каждого из нас.

– Лидер вы, это никто не станет оспаривать.

– Пустое. Именно ты в самый ответственный момент взял управление на себя, а я сейчас слишком потрепан, чтобы стать полноценным командующим. Так что пусть так будет и дальше. К тому же это недурственный опыт для тебя. Достойные лидеры нужны везде и всегда, вот и учись, набирайся опыта, раз подвернулась такая возможность. Будем считать, что ты практикуешься в командовании. Впрочем, я отвлекся. Итак, начнем с ответов. Очень многое можно объяснить простым фактом – я такой же, как вы.

– То есть?

– Пятьдесят четыре года назад меня заколотили в тесный ящик, который погрузили в трюм такого же четырехмачтового барка.

– Вы рашмер?!

– Да, мой мальчик, я ничем не отличаюсь от вас.

– Пятьдесят четыре года назад?! – удивилась Миллиндра. – Значит, сейчас вам около семидесяти, но вы выглядите не старше сорока. Магическое омоложение?

– Рашмер дорого расплачивается за тесную дружбу с пеплом. Но и пепел награждает его многим. Мой облик – это не результат магического омоложения. Слишком дорогая процедура, да и зачем она таким, как мы? Я всю свою жизнь получал увечья, которые должны были сделать из меня дряхлого инвалида, но, как видите, мне даже не требуется серьезное лечение. Сам умею выкарабкиваться из ситуаций, где обычному человеку не всякий целитель поможет.

– Кроме тех, что оставили вас без руки, – сказал Трой.

– Отнюдь. Я второй раз сталкиваюсь с потерей клешни, это даже на пользу пошло – научиться обращаться левой не хуже правой.

– У вас отрастают руки?!

– Рука, глаз, два пальца на правой ладони, отморозил все пальцы на ногах, отгрызли ухо – вот список моих потерь. Это не учитывая шрамов, я их давно уже не считаю, сбился со счета.

– И как быстро все отрастает?

– По-разному, это зависит от множества факторов. И один из наиглавнейших – где именно я залечиваю рану. С пеплом мы можем расставаться годам к двадцати пяти или немногим больше, но полностью он нас не отпускает до окончания отведенных дней. Если хотите ощущать в себе полную силу и залечивать самые страшные увечья, время от времени возвращайтесь на Крайний Юг. Мы привязаны к этой земле навсегда. Только на ней рашмер может считаться настоящим, все, кто уходит на север, со временем превращаются в бледные подобию прежних себя.

Трой покачал головой:

– Мы на корабле, здесь нет пепельного заражения, но все равно раны вас не убивают.

– Даже без пепла мы сильно отличаемся от обычных людей. Особенно те, кто мало времени проводит за пределами Крайнего Юга. Я как раз из таких. Давно уже искупил ошибки молодости, заслужил свободу, но не стал ею пользоваться. Зачем она тому, кто не видит для себя другой жизни? Церковь Святого Круга сочла, что я достоин куда большего, чем рядовое служение. Меня посвятили в сан и теперь величают сэром Транниллерсом. И вы, при должном старании, сможете добиться не меньшего.

– А почему вас не убили пепельники?

– Старый трюк рашмеров. Надо быстро прикончить одного-двух и прикрыться их телами. Если не шевелиться, оставшиеся могут потерять к тебе интерес. Конечно, до этого момента они на совесть потреплют доступные части твоего тела, но в безвыходной ситуации можно согласиться и не на такое. Кровь сородичей вызывает у них злобу и потерю аппетита, чтобы утолить жажду мести, им требуется живая добыча, потому оставляют в покое тех, кто сумел качественно притвориться мертвецом. Я заплатил за это дорого, мне пришлось ни звуком, ни движением не выдать себя, когда отродья пепла грызли мои неприкрытые ноги. Но это того стоило, я ведь сохранил главное – жизнь.

– И кровь у вас быстро останавливается? – спросила Миллиндра.

– Даже порванная шея для рашмера не причина истечь кровью до последней капли. О нашей живучести не зря слагают легенды.

– Мы тоже так сможем? – спросил Трой.

– Раз вас не прикончила инъекция, сможете. Необходимо время, тренировки, пребывание на зараженных пеплом территориях и сытная кормежка.

– Сколько времени это займет?

– Вы уже не такие, как прежде, просто изменения незначительные, не бросаются в глаза. Со временем они начнут проявляться сильнее, у кого-то процесс идет быстрее, у кого-то медленнее. Все индивидуально, точные сроки никто не назовет.

– А как много времени уйдет на восстановление вашей руки?

– На землях Краймора через пару месяцев смогу удерживать кружку отросшими пальцами, а еще через месяц ладонь крепко сожмет рукоять боевого меча. А там чуть

тренировок, для того чтобы рука былое вспомнила, и стану как новенький. Так что срок невелик, будет даже жаль бросать протез, мастер хорошо постарался. Пожалуй, приберегу его на будущее, с такой интересной жизнью может еще не раз пригодиться. У тебя есть еще срочные вопросы? Если нет, я бы хотел отдохнуть, после супа разморило.

– Нет, простите, что побеспокоил.

– Пустое, не стесняйся обращаться в любое время. Как корабль? Осадка не увеличивается?

– Трудно понять, волнение усилилось.

– Да, ощущается по качке. Что с припасами? Судя по похлебке, дела не очень.

– Осталось немного солонины и крошки от сухарей. Может, в трюме есть еще, но не представляю, как их там найти и при этом остаться в живых.

– Вряд ли там можно что-то отыскать. Команда жаловалась, что из-за урагана пришлось подьесть почти все припасы. Уверен, что остатки забрали с собой, я видел, как они грузили в шлюпки бочонки и мешки. Пришлось пригрозить мечом, чтобы хоть часть оставили, но, скорее всего, самые лакомые куски они сумели утащить.

– Так и есть, почти вся солонина испорчена, а от сухарей осталась труха. Странно, что в капитанской каюте остались сладости.

– Этот жирный боров решил устроить проверку груза. А может, просто хотел позабавиться со спящим мальчиком, ингабанцы чуть ли не поголовно страдают нездоровой страстью. Не знаю детали, дело было последней ночью, втайне от меня сюда притащили ящик из трюма, после чего мальчишка переродился и как следует отделал толстяка. Жаль, не до смерти, но после такого ему было уже не до сладостей.

– Я пару раз замечал за кормой акулу, теперь пытаюсь ее поймать.

– Каким образом?

– Сделал из якоря крючок, нанизал куски испорченной солонины. Теперь тащим приманку за собой, ждем поклевку.

– Гнилая солонина? Не думаю, что акулам она по вкусу. А вот что их точно привлекает, так это кровь и движение. Моя рубаха пропиталась кровью до последней нитки, разорвите ее на лоскуты и привязывайте к наживке. Меняйте почаще. Колыхание ткани и запах привлекут акулу, а там уж не упустите.

– Спасибо за совет, мы так и поступим.

– Миллиндра, девочка, найди эту злосчастную рубаху, я не знаю, куда вы ее подевали. А потом оставьте меня, глаза слипаются.

[Купить полную версию книги](#)

Клипер (от *англ.* clipper или *нидерл.* klipper) – судно или корабль с развитым парусным вооружением и острыми, «режущими воду» (*англ.* clip) обводами корпуса. Первоначально клипера были парусными, впоследствии их стали снабжать паровым двигателем (парусно-паровые клипера).

Барк (*нидерл.* bark) – большое парусное судно с прямыми парусами на всех мачтах, кроме кормовой (бизань-мачты), несущей косо парусное вооружение.

Около 158 см.

Бизань-мачта (*нидер.* bezaansmast) – название кормовой мачты на трех- и более мачтовом судне. Кормовая мачта на двухмачтовом судне также может называться бизань-мачтой, если носовая значительно ее больше и находится в середине судна.

Ванты (*нидерл.* want) – снасти стоячего такелажа, которыми укрепляются мачты, стеньги и брам-стеньги с бортов судна. Помимо своего основного назначения ванты служат также для подъема матросов на мачты и стеньги для работы с парусами.

Фальшборт (*англ.* bulwark) – ограждение по краям наружной палубы судна, корабля или другого плавучего средства, представляющее собой сплошную стенку без вырезов или со специальными вырезами для стока воды, швартовки и прочими. Это конструкция из дерева или стальных листов с подпирающим набором (в зависимости от того, из какого материала строилось плавучее средство).

Бушприт – горизонтальный или наклонный брус на парусном судне, служащий для вынесения вперед носовых парусов. Полный курс – курс от фордевинда до галфвинда, когда ветер задувает с кормы или перпендикулярно к борту. Фок-мачта – первая от носа мачта. Спинакер – разновидность паруса, используется на полных курсах. В нескольких фразах герой к месту использует терминологию, чуждую для людей, далеких от парусного флота (или парусного спорта).

Кабестан (от франц. *cabestan*), в морском деле также шпиль – механизм для передвижения груза, состоящий из вертикально установленного вала, на который при вращении наматывается цепь или канат, прикрепленный другим концом к передвигаемому грузу (например, якорю). Кабестан представляет собой вертикальный ворот и является разновидностью лебедки с барабаном, насаженным на вертикальный вал.

Планширь (или планшир) (*англ.* gunwale) – горизонтальный деревянный брус или стальной профиль (стальной профиль может быть обрамлен деревянным брусом) в верхней части фальшборта или борта шлюпок и беспалубных небольших судов.

Румпель (от *голл.* *roeep*, *roe* – весло, руль) – часть рулевого устройства корабля. Рычаг, который передает крутящий момент от усилия, создаваемого рулевой машиной или вручную.

Гарвианский фар = $1/10$ от гарвианской мили, 150 метров.

Для земных морей и океанов – спорно, а в некоторых регионах все явно не так.

Форштевень – продолжение киля, образующее переднюю оконечность корпуса судна (продолжение киля в носовой части).

Гафель (*нидерл.* Gaffel, букв. – вилы) – наклонное рангоутное дерево, поднимаемое по мачте и упирающееся в нее пяткой. Служит для растягивания по нему парусов и их крепления.

Термин «теплое течение» вовсе не подразумевает температуру воды, комфортную для плавания. Просто теплое течение температурой в разной степени выделяется из окружающего фона. Так, воды Гольфстрима, течения, оказывающего огромное влияние на климат значительной части Земли, на широте Северного полярного круга могут остывать до двадцати градусов и менее, но на фоне незатронутых течением вод, где температура держится около нуля, контраст разительный. Но чем дальше к югу, разница будет уменьшаться.

Гарвианская лига – примерно 4,5 километра.

Гик – (от *нидерл.* Giek, букв. – палка) – горизонтальное рангоутное дерево, одним концом (пяткой) подвижно скрепленное с нижней частью мачты парусного судна. По гикю растягивается нижняя кромка (шкаторина) косога паруса.